

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

СОКРОВИЩА
ВАЛЬКИРИИ.
ПТИЧИЙ ПУТЬ

Сокровища Валькирии

Сергей Алексеев

**Сокровища Валькирии.
Птичий путь**

«Алексеев Сергей»

2012

Алексеев С. Т.

Сокровища Валькирии. Птичий путь / С. Т. Алексеев —
«Алексеев Сергей», 2012 — (Сокровища Валькирии)

ISBN 978-5-271-40893-9

Давным-давно, в начале 1990-х, шведско-российская компания «Валькирия» занималась поиском мифических сокровищ на Урале и благополучно прогорела. Архив компании, являвший собой бесценный источник данных по кладоискательству за последние сто лет, был утерян. Но не утрачен. В наши дни аналитики инновационного технопарка Осколково, в чье распоряжение попал архив, пришли к выводу, что некие хранители уральских сокровищ причастны к созданию нового, загадочного и мощного источника энергии под названием «соларис». Грядут президентские выборы, олигархи бьются за сферы влияния – «соларис» всем придется бы кстати. А сыну Мамонта, вкусившему соли знаний на Трех Таригах, ведома его тайна...

ISBN 978-5-271-40893-9

© Алексеев С. Т., 2012

© Алексеев Сергей, 2012

Содержание

1	5
2	14
3	23
4	35
5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Алексеев

Сокровища Валькирии. Птичий путь

1

Сколот обычно пел в переходе на Пушкинской, недалеко от выхода на Тверскую. Место в железобетонной трубе было когда-то отвоено у торговцев сигаретами, застолблено, обжито и намолено, поэтому даже в непогоду, когда люди заскакивали мокрые от дождя или озябшие, все равно расчетный один процент их задерживался, слушал и даже бросал деньги. Это если приходиться сразу после полудня и уходить уже в пятом часу, перед вечерним столпотворением, и петь без накала.

Он особенно не старался собрать толпу, потому что ленивое, вялотекущее движение позволяло видеть глаза прохожих и ловить их открытые взгляды. И редко, по настроению, из баловства, он добавлял в голос и гитару едва уловимый цвет звучания и запах, некую мускусную, кабарожью струю – и переход тотчас заполнялся народом, более всего юными еще студентками, хотя песни были суровые, мужские. Сколот давал короткий, стремительный концерт, одновременно высматривая пути к отступлению, после чего подхватывал чехол с деньгами, на ходу прятал инструмент и убегал по ступеням вверх, на волю, поскольку стражи порядка чаще появлялись и ловили на точке. Если успевал улизнуть таким образом, то преследовали его только мимолетные, случайные поклонницы, от которых было легко отвязаться на многолюдной улице. Милиция же с него на следующий день глаз не спускала и по окончании концерта выгребала все до копейки – в наказание.

Он надеялся, что Белая Ящерица придет, как обещала. Даже если Валькирии учинили свой суд, лишили ее волос и памяти, все равно откликнется на песни, понятные ей одной! Поначалу Сколот свято верил в это и терпеливо ждал заветного мгновения, высматривая Белую Ящерицу в толпе, хотя никогда не видел ее лица. В тексты всех песен он непременно вплетал такие слова, по которым, даже лишенная памяти, Дева должна была узнать его, вспомнить, кто ее выручил из неволи. Иногда он кричал, звал, как заблудившийся в лесу отрок, но за полтора года жизни в многомиллионном городе никто не отозвался лишенцу. Если не считать верных поклонников, которые тянулись к нему, словно сами были когда-то лишены Пути.

О Белой Ящерице знали или хотя бы слышали все – футбольные фанаты, скинхеды, байкеры, дворовые банды хулиганов и не примкнувшие к стаям подростки и студенты. Кто-то говорил о ней шепотом, кто-то, напротив, гордился знакомством, однако никто толком не знал, где можно ее разыскать и вообще, существует ли она в самом деле или дерзкая предводительница юных и ярых изгоев – всего лишь миф.

Так или иначе, но в первые месяцы после возвращения в Москву, уподобившись бритоголовым, Сколот кочевал по группировкам из спальных районов столицы, участвовал в акциях, разгоняя проституток с улиц, громил ночные клубы и дискотеки, где собирались наркоманы и «голубые», поджигал дорогие машины педофилов и растлителей и лично спалил загородный дом наркобарона, использовав *соларис*. Пожар был необычный: четырехэтажная вилла сотлела без видимого огня на глазах у десятков изумленных пожарных с брандспойтами – вода только раздувала незримое пламя, испарялась, превращаясь в радугу, кирпич рассыпался в пыль. Несведущие посчитали, что в доме хранились некие химреагенты, сырье для изготовления наркотиков, вызвавшие такой эффект.

Сколот ко всему подходил изобретательно и сначала придумал не просто гонять и запугивать ночных бабочек на панелях – рвать им крылья: отсекал космы или вовсе стричь наголо, ибо многие из них носили длинные, манящие волосы. Потом из подручных веществ и апте-

карских лекарств он сделал коктейль для гей-клубов, вызывающий стойкий условный рефлекс поноса и рвоты, готовил зелье от наркозависимости и уже тогда получил прозвище – Алхимик. Однако его не прельщала слава героя уличных банд, и лечить пороки изгоев он не собирался; он всего лишь таким образом пытался выйти на след Белой Ящерицы и посылал ей сигналы. Если она и в самом деле на воле, должна была узнать о его подвигах и объявиться!

И вот после того как он превратил логово наркобарона в кучу пепла, приехала стая байкеров, которые и сообщили, что его желает видеть сама незримая предводительница неформалов. Все происходило уже в начале бесснежной зимы, ночью, тайно и с соблюдением строгой конспирации. Сначала долго катались на мотоциклах по улицам и пригородным трассам, затем по каким-то темным и грязным проселкам, путая следы, и наконец въехали на территорию бывшего пионерского лагеря, где горел костер. Белая Ящерица оказалась рослой блондинкой в кожаном байкерском наряде, и зеленые, изумрудные глаза знакомо светились в отблесках костра, а самое впечатляющее – длинные, распущенные космы покрывали затянутые в кожу плечи и высокую грудь. И все равно Сколот сразу же насторожился, не ощутив того трепетного волнения, что охватило его во флигеле музея Забытых Вещей, когда он впервые прикоснулся к ее руке.

Они остались вдвоем у костра и откровенно рассматривали друг друга – сопровождавшие его байкеры унеслись за высокие ворота. Сколот еще ждал некоего опознавательного знака, слова, которые бы подтвердили, что перед ним – та самая пленница из подвалов музея. И казалось, сейчас она стряхнет с себя самоуверенно-величавую маску, может быть даже засмеется или улыбнется и скажет: «Ну, здравствуй, Сколот! Хочу послушать твои песни».

Огонь горел весело, ярко, тихий сосновый лес золотился вокруг, ночная тишина наполнялась ожиданием скорой зимы – все располагало к тому, чтобы петь у костра.

– Ты классный парень, Алхимик, – проговорила она низким, манящим, но совершенно незнакомым голосом. – Теперь будешь всегда рядом со мной. Завтра надо устроить еще один фейерверк.

– Я искал Белую Ящерицу, – разочарованно признался Сколот.

– Я – Белая Ящерица, – заявила эта самозванка. – Иди в мое логово и жди меня. Ты заслужил награду! – Указала на синий домик пионерского лагеря и скрылась за ближайшими соснами.

Ни обещанная награда, ни тем паче роль поджигателя его не привлекали. Сколот перемахнул забор пионерского лагеря и после долгих блужданий вернулся в Москву.

Еще два месяца он отращивал волосы и отвоевывал точку на Перекрестке Путей – в железобетонной трубе.

Среди слушателей у него, как у всякого певца, были и неистовые фанаты – женщина в инвалидной коляске, которую сопровождал седеющий, невозмутимый и глухонемой человек; задумчивый, самоуглубленный парень с китайской бородкой; безжизненная, флегматичная девушка, похожая на сказочную Мальвину, и еще несколько разновозрастных людей, которых он узнавал по глазам. Кроме этой малохоленной Мальвины, наверное влюбленной в певца, остальные появлялись не каждый день и поодиночке, приходили заранее и даже здоровались со Сколотом сдержанными кивками, и тогда он пел только для них, не скрывая собственных чувств. Они никогда не бросали денег, но благодарили так же, кивками, и исчезали. И была еще одна молодая женщина, музыкальный продюсер, которая записывала песни на диктофон, приставала с предложениями прослушаться в ее коллективе и совала вместо денег визитки. Однажды принесла рекламный плакат, где были фото девушек из ее группы – стриженные под мальчиков, пирсингованные до невозможности, однако с силиконовой пышногрудостью.

«Пожалуйста, придите к нам! – умоляла и заманивала она. – Так нравятся ваши песни! Да, я понимаю, это неформат. Но мы обязательно что-нибудь придумаем. Может, напишете для нас песню? Аранжировку мы сделаем сами. Смотрите, какие у нас девушки!»

Он обещал и не приходил, и песни написать не мог, поскольку не знал, как и что они исполняют.

Сколот умышленно одевался в «концертные» костюмы, подчеркивающие мужское начало, в основном в кожу, носил аккуратную бороду, однако стригся редко, а представление о женской красоте имел совершенно иное. Ему нравились традиционные, длинноволосые девушки, которых он умышленно пытался зачаровать, искусить голосом, привлечь внимание смыслом песни, взглядом манил и даже подарки делал, чтоб приручить, приблизить, заманить. И хотя они восторженно слушали, вроде бы поддавались искусству, однако во второй раз никогда не возвращались или приходили, изменившись до неузнаваемости.

После концертов в переходе Сколот шел домой, если не попадал в милицию. Стражи порядка считали его блаженным, поскольку он безропотно отдавал бумажки, но умолял не забирать мелкую монету, которой иногда набиралось за рабочий день до двухсот рублей: песни его слушали в основном подростки, студенты и бедные люди – те, кто носит в карманах мелочь. Он жил на съемной квартире первого этажа, за решетками и железными дверями, как в крепости. После шумного течения народа в переходе он желал одиночества, но был ему не рад, ибо остро чувствовал сиротство.

Сколот знал свою участь: со временем он должен был незаметно сойти с ума, стать юродивым и, обрастая шерстью, смириться со своей судьбой, поэтому карабкался, держался из последних сил, изобретая способы, как отодвинуть подальше роковой срок.

И еще он ждал посланную Стратигом Дару или даже его самого. Если вершитель судеб исполнит свой замысел и передаст китайцам технологию солариса, ему непременно потребуется воспользоваться активизатором. А этот немудреный с виду прибор не работал и не мог работать в чужих руках, поскольку в его память, на крохотную серебряную пластинку, были заложены индивидуальные параметры Сколота. Время шло, но Стратиг словно забыл и о нем, и о топливе. И эта полная изоляция от мира гоев подталкивала лишенца к действиям.

Первая попытка снова найти дорогу в музей Забытых Вещей закончилась неудачно: вместо Великого Новгорода он оказался в Нижнем и потом кое-как вернулся в Москву. Во второй раз Сколот решил не доверяться поездкам, купленным билетам и проводницам, взял гитару и отправился пешком по железной дороге, тщательно изучив маршрут на картах. Он вышел с Ленинградского вокзала и в течение восьми дней шагал по шпалам, считая километры и ориентируясь по населенным пунктам. Он знал, что спроектированные еще в девятнадцатом веке, старые железные дороги идут, точно сообразуясь с земными Путиями и Перекрестками, так что заплутать невозможно. Однако на девятый день он вновь очутился в точке, откуда вышел – на том же Ленинградском вокзале.

Сколот все время мыслил отыскать хотя бы родителей и делал много попыток найти мать, поскольку она была где-то близко, но так и не нашел к ней дороги; отца же он только мечтал увидеть, ибо знал, что это вообще невозможно, если тот не пожелает или не подвернется случай. Конечно, призрачная надежда оставалась, и она, эта надежда, тоже вынуждала его петь в переходе: если не Белая Ящерица, не отец, то все равно кто-либо из гоев должен услышать его!

Через год, когда волосы уже отросли до плеч, он начал ощущать на себе смиренную рубашку: шерсть густо разрослась на груди и выползала на спину. Песни в переходе уже не спасали, и тогда он рискнул заняться ремеслом, коему был обучен в истоке реки Ура. У Сколота был небольшой запас веществ, с помощью которых можно было не управлять, но хотя бы ставить опыты по управлению материями и тем самым сохранять разум. Поэтому, возвращаясь домой, он не считая сортировал выручку: бумажки складывал в пакет возле двери – их потом забирала квартирная хозяйка в качестве оплаты, – а мелочь ссыпал в две разные коробки, желтые и светлые монеты отдельно. Когда их накапливалось достаточное количество, Сколот приступал к алхимическому священнодействию. Сначала снимал никелевое покрытие с рублевых монет и томпак с полтинников, после чего плавил сталь в самодельном тигле, выгонял

из нее все лишнее, пока не получалось химически чистое железо, и только потом варил из него серебро и золото, добавляя присадки.

Впрочем, получаемый материал только по виду, удельному весу и сверхпроводимости соответствовал драгоценным металлам, на самом деле по составу и структуре он был другим. Сталь усаживалась вчетверо, пока приобретала первозданные качества, а когда из железа варилось золото – еще вдвое, поэтому Сколот не успевал в один прием переуплотнить металл, и процесс растягивался на несколько дней, да еще почти сутки уходили на выведение высшей пробы. Соседи не подозревали, что творится у них за стеной и внизу, поскольку при горении топливо вбирало в себя углекислоту из воздуха и выделяло газообразный чистый кислород, который хоть и уносился кухонной вытяжкой, однако из-за старости вентиляции частично попадал ко всем верхним соседям, и они это чувствовали. Только не могли объяснить, отчего в некоторые дни и ночи дышать становится легко, как в лесу, и они, привыкшие к городской вони асфальта и автомобильного выхлопа, даже улавливают некие цветочные, травяные запахи.

Тайна ювелирного дела чуть не вырвалась наружу, когда у новобрачной семьи, поселившейся на втором этаже, вдруг начали цвести кактусы, которые будто бы достались им в наследство от старых хозяев квартиры. Никогда не цвели, вызывали только аллергию и тем самым тяготили супругов. Сначала они думали выбросить эти колючки, потом те, что похуже, расставили по всем подоконникам лестницы в надежде, что разберут соседи, а которые получше носили по квартирам, уговаривая хозяев. К Сколоту они навевались несколько раз, вдвоем и поодиночке, и все время приносили разные горшки с темно-зелеными, величиной с человеческую голову, уродливыми шарами в шипах и наростах или с плоскими, но высокими листьями, напоминающими ослиные уши.

«Если хотите, я сама буду поливать и ухаживать, – вызвалась однажды соседка. – Нам нельзя держать их в квартире. У мужа, оказывается, страшная аллергия. А вы мужчина одинокий, цветы не помешают! Ну посмотрите, какая прелесть!» Она вертела горшок, но более вертелась сама, словно показывая собственную красоту. И все это в присутствии мужа!

Сколот бы взял, поскольку эти пустынные растения особого ухода не требовали, но соседка с редким и колючим именем Роксана его смущала и вводила в заблуждение тем, что, не глядя даже на присутствие молчаливого супруга, заметно и как-то навязчиво кокетничала, смотрела неким завлекающим взором глубоких, зеленых, как морская вода, глаз. На это ее странное поведение можно было бы не обращать внимания или отнести его к привычной манере держаться, но Роксана Сколоту напоминала Белую Ящерицу, и каждый ее новый приход все сильнее волновал и смущал его. Сдерживая свои чувства, он напускал на себя вид очень занятого человека и отказывался брать растения, ибо заводить какие-либо отношения с замужней соседкой, даже самые невинные, казалось ему мелким и подлым воровством.

И вдруг кактусы стали нежно-зелеными, как глаза Роксаны, и в один день буйно зацвели такими же нежными розовыми, белыми и золотистыми огромными цветами. Причем все сразу, в том числе и те, что прижились на подоконниках лестничной площадки, в результате чего половина их в одну ночь исчезла. Пожалуй, растащили бы все, но в подъезде нашлись знатоки, уверявшие, что цветы распускаются всего на пару дней и увядают до следующего года, однако эти продержались больше недели, а на некоторых, с мясистыми колючими листьями, и того дольше. Восхищенная соседка дважды прибежала к Сколоту и сначала звала к себе полюбоваться, а поскольку он вежливо отказывался, вдруг принесла один могучий кактус, поставила на шкафчик в прихожей и с манящим смешком, как-то панибратски, заявила:

– Как хочешь, назад не понесу. Руки оттянула, пальчики мои затекли... Алеша, ну ты только посмотри, какое чудо! А запах... – И сама обдала его манящим запахом дыхания.

Сколот пожалел, что впустил ее, и отступил на шаг, чтобы сохранить дистанцию.

– Ты только понюхай! – восторженно предложила она и сама уткнулась носиком в огромный цветок. – Какой чудесный аромат!.. Или у тебя тоже аллергия?

– Нет, – проронил он, стискивая зубы.

Роксана загадочно улыбнулась. Едва касаясь, огладила пальчиками розовые лепестки и доверительно прошептала:

– Кстати, он зацвел благодаря твоим опытам.

– Каким опытам? – как можно равнодушнее спросил Сколот, однако напрягся.

– Алхимическим. Ты же по ночам колдуешь под кухонной вытяжкой? Не бойся, Алеша, я никому об этом не скажу. Даже Корсакову. Пока-пока! – Помахала рукой и ушла.

Своего аллергика она звала по фамилии, которая в ее устах звучала как прозвище, и Сколот давно убедился, что главный в этой молодой семье не муж, коему на вид было лет сорок, а Роксана: даже в колючем имени угадывались сила и власть. Всегда молчаливо-вежливый, Марат Корсаков с виду напоминал компьютерщика – вечно отсутствующий, неуловимый взгляд, длиннопалые, по-кошачьи мягкие руки пианиста (не вписывался в образ лишь деловой костюм, в котором он даже мусор выносил). Но это все была лишь внешняя бесстрастность: на самом деле уже не молодой муж юной соседки был полон страсти и энергии, ибо почти каждую ночь над головой Сколота раздавались стоны, женские всхлипы и прочие характерные звуки, которые могли взбудоражить воображение любого холостяка. И чтобы не искушать музыкальный слух, Сколот уходил на кухню, там плавил сталь и тайно злорадствовал, когда среди ночи на аллергика нападал чих. Рано утром сосед уезжал на работу и возвращался поздно, а его жена, судя по скрипу паркета над головой, целые дни проводила в квартире, редко отлучалась в магазин – это уже судя по стуку каблучков на лестнице.

Все звуки наверху замирали, когда Сколот начинал петь, – то есть Роксана слушала, и от этого было печально и приятно, как если бы он не вкушал, но любовался запретным плодом. И тогда ему хотелось, чтобы она пришла еще, например полить отцветший кактус...

И она пришла, только придумала другой повод.

После того как Роксана, по сути, раскрыла его занятия алхимией, Сколот на время прекратил опыты, убрал подальше с глаз вещества и оборудование и все время теперь сочинял и репетировал новые песни. Однажды утром соседка внезапно позвонила в дверь и обдала ветром восторга, от которого и сама задыхалась:

– Ты сейчас пел!.. Про волка-одиночку! Я услышала!.. Знаешь, на что похожи твои песни? Поехали со мной!

– Куда?

– В музей!

Он на мгновение замер, потом спросил осторожно, словно боялся ее спугнуть:

– В какой музей?

– Потом скажу. Это потрясающе! Я видела твои песни на картинах!

– На картинах?..

Он бы не поехал и нашел бы причины отказаться – пора было собираться на работу, в переход, но последние слова Роксаны опажули внезапной и неясной надеждой, неким предчувствием открытия. А она ко всему еще добавила интригующей таинственности.

– Поедем поодиночке, – прошептала с оглядкой. – Нельзя, чтоб нас видели вместе. Ты же понимаешь, почему... Выходи через пять минут. Встретимся в метро, на «Алтуфьевской»!

И убежала.

Через пять минут Сколот для конспирации взял гитару и поехал, будто бы на работу. И всю дорогу, словно своим топливом, подогревался мыслью, что произойдет невероятное, приоткроется некий выход из безурочного, беспутного существования. Он вываривал в себе это смутное чувство до состояния чистого железа и подспудно верил в чудо, которое очень легко перевоплотит его в драгоценный металл...

Роксана ждала в метро и здесь, не опасаясь ничего, сразу же взяла Сколота под руку. Ее распирало от радости и возвышенных чувств, хотя говорила она о вещах приземленных и даже печальных.

– Мы с девчонками снимали квартиру в этом районе, когда я приехала в Москву, поступать, – на ходу полушепотом рассказывала Роксана, и от дыхания ее трепетало сердце. – И я чуть не попала в рабство. Об этом даже Корсаков не знает... Хозяйка нас сдала работоторговцу! Мне чудом удалось бежать в самый последний миг. А подружек продали в Турцию. Я теперь так боюсь этого места! С тех пор ни разу не была... Но с тобой мне не страшно!

– Куда мы идем? – внутренне содрогаясь от ее слов, спросил Сколот.

– В музей! Я там двое суток пряталась, когда сбежала, – с восторгом сообщила она. – Случайно заскочила в калитку. Даже не знала, куда попала. Работоторговцы рыскали вокруг, весь Лианозовский парк прочесали. В самом музее дежурили! А я открыто ходила по залам. И они меня не заметили! Представляешь?!.. Потом охранник не увидел, когда делал обход перед закрытием. Я встала возле одного полотна, на глазах у него, – мимо прошел! И вот когда выключили свет, всю ночь бродила по музею и смотрела картины.

В этот миг он вспомнил: Белая Ящерица видела в темноте! И затаил дыхание.

– Нет, у меня самое обыкновенное зрение! – угадала его мысли Роксана. – Но там на полотнах много огня, света. А на некоторых горят свечи и освещают ярче, чем настоящие! Живой огонь! Можно руки греть... Твои песни похожи. Придем – сам увидишь!

Ее чувства странным образом завораживали Сколота, вынуждали непроизвольно любоваться ею, и он старательно отворачивался или озирался по сторонам, делая скучный вид.

– Тебе неинтересно? – вдруг спросила она.

– Нет, как же, интересно, – невыразительно отозвался он. – Кто художник? Я, может, знаю...

– Сейчас придем – увидишь! – все еще интриговала Роксана. – Алеша, а почему ты только в переходе поешь? Тебе надо на эстраду! На экран!

– У меня песни неформатные...

Ей очень хотелось завязать светский разговор, которых Сколот не любил и всячески избегал. А из нее ударил целый фонтан слов и вопросов:

– Что это значит? Как это – неформатные? А у кого форматные? Кто определяет?.. Глупость какая-то! Тебе нужно на сцену. Надо, чтобы твои песни слышали все! Ты какой-то неэнергичный, Алеша. Сейчас так нельзя, сейчас все приходится пробивать, проталкиваться, как в час пик. Иначе не сядешь в вагон!.. – Роксана неожиданно замолкла и медленно остановилась.

– Мне хватает перехода, – воспользовавшись паузой, проговорил Сколот. – Я пою для тех, кто меня слышит. Я не артист...

Она не слышала, глядя куда-то выше его головы.

– Смотри, – наконец прошептала и указала рукой. – Что это?

Сквозь голые еще, весенние кусты и деревца он увидел белый особняк с выбитыми окнами, в черных разводах копоти и с полуобрушенной, прогоревшей крышей.

– Здесь был пожар, – вымолвил Сколот и узрел страх в глазах Роксаны.

– Это музей художника, – выдохнула она, – Константина Васильева...

Железные ворота и калитка были заперты изнутри на всяческие замки – и ни единого человека вокруг. Только где-то в глубине огороженной части парка тревожно лаяла собака.

– Тут есть еще одна калитка, – вспомнила Роксана и решительно направилась вдоль изгороди. – Черный ход... Но как? Почему пожар? Отчего?

– От огня, – обронил Сколот. – Который на полотнах как живой...

Только что сиявшее от радости, лицо ее превратилось в гипсовую маску, и от этого еще ярче стала зелень глаз.

– Скорее всего, – серьезно произнесла она. – Самовозгорание...

Калитка оказалась не запертой, однако на территорию их не пустил внезапно возникший из кустов парень с бейсбольной битой.

– Музей закрыт! – предупредил он. – Поворачивайте!

– Неужели картины сгорели? – спросила Роксана.

– Картины украли, – был ответ. – Здание подожгли и землю продали.

– А можно посмотреть?

– Здесь ничего нет. – Парень угрожающе поиграл битой. – На что посмотреть?

– Тогда что вы здесь охраняете?

– Место! Здесь особое место силы.

Из кустов явился еще один юный молодец с бородкой и деревянной булавой. Роксана потянула Сколота прочь.

– Опоздали... Но твои песни и правда похожи на его картины!

– Мне до сих пор кажется, тут везде была война, – неожиданно для себя признался Сколот. – И люди живут как после войны, после голода. Копшатся в развалинах... Одежды яркие, а лица серые, как на пепелище. А я отсутствовал всего одиннадцать лет...

– Где же ты был? – чего-то испугалась она. – Где, Алеша?

– На учебе, – буркнул он, опасаясь, что сейчас опять последует обвал вопросов.

– Ничего, я найду альбом с репродукциями, – вдруг слегка вдохновилась Роксана, – и покажу тебе. Хочется, чтоб ты сам увидел и убедился, как похоже!

* * *

После неудачной поездки в музей художника Роксана несколько дней не давала о себе знать, даже шагов наверху не было слышно. Сколот решил – куда-то уехала, и, намаявшись от домашнего безделья, вновь водрузил под вытяжку тигельную печь, разложил на полках свои алхимические вещества и принялся плавить заработанные в переходе монеты. В принципе на это годилось любое железо, однако он из символических соображений использовал только деньги. Когда монетная сталь превращалась в драгоценные металлы, он отливал те же монеты, только уже золотые и серебряные, после чего запускал их в оборот, покупая в палатках пирожки и минеральную воду.

Сначала это было не просто спасением от грядущей участи юродивого – неким технологическим вызовом чуждому миру, в коем он жил. Сколот наивно полагал, что его фальшивомонетничество наконец-то обнаружат, например банки и коллекционеры, поэтому покупал нумизматические журналы и смотрел по телевизору криминальные новости. Однако две сотни пятирублевиков и полтинников, запущенных в кошельки и инкассаторские сумки, словно растворились среди стальных монет. Люди носили в карманах серебро с золотом, совершенно не подозревая о том, опять покупали на них пирожки с водой, и это лишний раз доказывало формальность и бессмысленность денег, но ничего более.

Технологического вызова не получилось, и Сколота осенила другая мысль: он стал отливать из серебра и золота причудливые гребни-венцы по собственным эскизам и в самодельных формах. Сначала он лепил свои изделия из воска, всякий раз придумывая новые орнаменты для венчика, выглаживал и зачищал каждый завиток узора и зубчик, после чего выставлял макет в опоку, используя обыкновенную кастрюлю. Не менее сложно было приготовить высокотемпературную гипсовую смесь, которой потом заливалась восковая модель и проходила через вибростол – включенную стиральную машину. Когда раствор застывал, Сколот выжигал воск, промывал форму специальным раствором и лишь потом разогревал ее и заливал серебром, осаживая его с помощью центрифуги, сделанной из велотренажера. Это его ювелирное производство было самодельным, древним и кропотливым, однако доставляло истинную радость,

когда, разбив форму, он извлекал изогнутый, для женской головки, гребень и делал окончательную доводку, шлифовку и покрытие никелем или томпаком, снятым с монет. Поэтому на глаз определить, из чего они изготовлены, было невозможно, тем паче неопытному человеку – разве что на вес.

За все время он отлил всего один золотой венец и спрятал его на виду, забросив в шкафчик ванной комнаты, где валялись хозяйские расчески, бигуди, сломанные плойки и прочий хлам. А серебряные раздаивал избранным из толпы женщинам – тем, которые взирали на певца открыто и прямо, с нескрываемым восторгом и при этом носили длинные, не знавшие ножниц, волосы. «Безделушка! – уверял он, венчая гребнем голову слушательницы. – Китайцы делают. Приходи еще!»

Сколот верил: рано или поздно гребень с таинственным орнаментом попадет на глаза или в космы той единственной, и она прочтет зашифрованный сигнал, призыв о помощи, снизойдет и откликнется лишенцу. Он помнил судьбу своего родителя, который много лет скитался, странствовал и бродяжил в поисках неких сокровищ, Соли Земли – призрачного мира, казавшегося тогда нереальным, некогда бывшим на свете и погибшим. За это отец даже получил прозвище Мамонт.

Но этот мир отцу открылся!

Однажды ночью, когда Сколот варил серебро, в квартиру позвонили. Такое уже случалось – тогда он замирал, прокрадывался к двери и смотрел в глазок, но на лестничной площадке обычно оказывались случайные люди. На сей раз там стояла Роксана, одетая по-домашнему, в легкомысленном халате, тапочках и, что более всего поразило его, с длинными, распущенными волосами, которые прежде всегда были закручены и убраны в прическу либо под забавный головной убор типа шляпки, кепки или дорогой меховой шапки, если зимой. Да и одежды всегда были закрытыми, чаще строгими – брючные костюмы, длиннополые плащи, пальто, и все это подобрано с подчеркнутым изяществом и вкусом.

Сейчас в полумраке лестничной площадки волосы ее светились!

Сколот дыхнул на стекло дверного глазка, потер его рукавом – нет, радужное свечение не исчезло, напротив, стало ярче, с переливом цветов, как Полярное сияние небесных косм.

Он заколебался, влекомый неким сиюминутным порывом, бросился убирать эскизы с письменного стола и даже хотел потушить тигель, однако вовремя взял себя в руки и вернулся к двери.

Соседка позвонила еще раз, стоя перед глазком, словно на портрете, и только сейчас Сколот заметил в ее руках тяжелую, толстую книгу большого формата в синеватом переплете. Роксана подождала и медленно, с сожалением удалилась, унося с собой свет, и на площадке потемнело.

Только наутро Сколота осенило – да это же она, Белая Ящерица! Дева, которую столько времени искал! Ради которой носился по улицам в бандах погромщиков, стриг космы ночным бабочкам, палил машины и дома, наказывая пороки, потом выглядывал ее в бесконечной, серой ленте толпы, каждый день спускался в бетонную трубу!

И пел для нее, чтобы услышала и откликнулась!

А она оказалась так близко, жила себе над его головой, и разделял их только потолок. Роксана давно уже посылала знаки: он должен был догадаться раньше, когда она еще приходила с кактусом! А когда повезла его в музей художника Васильева, чтобы показать, как его песни похожи на картины, он обязан был открыть глаза и увидеть!

Не случайно же зацвело то, что в принципе цвести не может, – черная, уродливая колючка. И не случайно украли полотна, устроили пожар в музее. Все это были знаки, которые он не узрел!

Смущало и обескураживало единственное: если она Дева, то почему замужем? Почему живет в одной квартире с этим странным аллергиком? Или все-таки ее лишили памяти, оставив космы?..

В тот же миг у него созрела шальная мысль проверить свои выводы. Дождавшись, когда со двора стартует автомобиль ее мужа, Сколот достал золотой гребень, прикрытый окислившимся во влажной среде монетным томпаком, решительно поднялся и позвонил в дверь верхних соседей. Роксана открыла почти сразу и словно ждала его: тот же халатик, тапочки и лишь волосы собраны в пучок.

– Я хотела только показать репродукции картин Константина Васильева, – виновато призналась она, – и посмотреть на твое чародейство... когда приходила ночью.

Сколот молча увенчал ее голову, не касаясь волос, и отступил за порог, намереваясь закрыть за собой дверь, однако Роксана его задержала:

– погоди, Алеша! Что это? – Осторожно вынула гребень. – Какой красивый... Это же золото?

– Китайская безделушка, – заверил он и попятился на лестничную площадку.

Она взяла его за руку, ввела в прихожую и затворила дверь на внутреннюю задвижку.

– Ты не уйдешь! – опахнула манящим запахом дыхания. – Я хочу, чтобы ты этим гребнем расчесал мои волосы. Ты не узнал меня?..

Это была она!

2

В последние года полтора Сторчака преследовало ощущение усталости. От всего – от бесконечных заседаний, на которых его присутствие было обязательным, от официальных и официозных лиц, которые тасовались перед глазами, словно карты в руках шулера, от приемов по случаю и без, наградных церемоний, пошлых фуршетов с шоу-звездами, разговоров о будущем, которое, еще не наступив, уже воняло нафталином. Сторчак хоть и возглавлял атомную энергетику, но по инерции еще исполнял роль знаковой фигуры, присутствовал, заседал, посещал, резал ленточки и даже говорил, отчетливо понимая, что это ему уже не нужно. Его всё еще считали продвинутым, эффективным менеджером, еще по привычке и всерьез называли великим реформатором, университеты стояли в очереди, приглашая хотя бы для одной лекции по новейшим проблемам экономики; где-то в глубинке неизбалованные и заискивающие ректоры объявляли Сторчака почетным профессором, полагая, что ему это будет приятно. Вокруг еще колготилась некая суета, но кроме пыли, уже ничего не поднимала, даже настроения, и он в пятьдесят лет чувствовал себя старым генералом, которому не светят маршальские звезды, впрочем, как и блистательные победы, рождающие славу героя и всенародную любовь.

Он знал, отчего приходит столь ранняя усталость: начинался некий застой крови, он терял азарт, который еще лет десять назад выплескивался через край, побуждая возглавлять новорожденные, но недоношенные, быстро умирающие демократические партии, невзирая на всеобщую к нему, Сторчаку, ненависть, раздавать длинные интервью, более напоминавшие монологи, соглашаться на участие в самых скандальных идеологических передачах, хотя он отлично знал, что телезрители, едва завидев его, плевались и тут же переключали каналы. В принципе Сторчаку были безразличны ненависть и ярость толпы – такое отношение к себе он предугадывал и все равно брался за проведение непопулярных реформ, за всякое грязное дело, не позволяющее остаться чистым и непорочным. Сам он сравнивал свою долю с долей золотаря, который с утра до вечера выгребает дерьмо из туалетов и ночью пахнет не парфюмом, а тем же дерьмом, ибо его запах хоть и отпаривается в бане, но остается на тонком уровне, как радиация. И те, кто был тогда рядом, а сейчас выше его, тоже испытывали к нему нелюбовь, однако терпели и готовы были терпеть и дальше, поскольку понимали, что сами так не могут.

Сторчак давно ушел бы в глухую оппозицию – не по убеждениям, по психологическим причинам полного неприятия застоя, который выдавался за стабильность, но сейчас уже было не с кем: получив свои пайки из его рук, вчерашние товарищи разбежались по углам, чтоб не отобрали пищу, и жрали в одиночку, жадно, торопливо, а что уже не влезало и вываливалось, подбирали и опять пихали в рот.

Он мог бы отойти от дел, чтобы не смотреть на все это, отправиться на покой, но понимал: стоит спрыгнуть с круга, как его тотчас порвут на куски. И из страны уехать не мог, ибо являлся гарантом стабильного движения преобразованной России, и это было не его личное мнение. За глаза, не только в узких кругах и не только в стране, его давно уже звали на бандитский манер – Смотрящим, или на английский – Супервизором, о чем Сторчак тоже знал и не очень-то переживал по поводу своего прозвища. Напротив, старался ему соответствовать, пока и от этого не притомился.

И вот тогда заговорили, мол, или сдавать стал великий реформатор, или его сдают: на экране теперь появляется редко, да и то в качестве статиста или унылой говорящей головы, чаще всего за что-нибудь оправдывающейся, – почему-то перестали снимать в полный рост. Этот ропот особенно усилился, когда на одной из атомных станций произошла несанкционированная и пустяковая утечка радиоактивной воды и у самого ленивого появилась возможность пнуть Сторчака. Он и сам чувствовал: надо как-то выходить, вырливать из пробки, вновь напомнить о себе, а то скоро и анекдотов сочинять не будут.

Сторчаку были известны десятки способов, как это сделать, еще больше знали его советники, но сейчас почему-то ни один не срабатывал. Запущенный им слух, будто под самого Супервизора роет прокуратура и вот-вот возбудит уголовное дело, прозвучал как глас вопиющего в пустыне. Ну слегка порадовались ярые ненавистники, постояли с плакатами жиденькой толпой, ну сам он дал парочку интервью, как в былые времена, подчеркивая собственную неуязвимость, ну еще премьер в кулуарах поклялся, что, пока он у власти, никто не посмеет тронуть Смотрящего. И политическая тектоника была едва заметной дрожью, а не землетрясением, хотя проявили интерес на сей раз сразу две крайние партии. Правые попросту вдруг вспомнили о нем, в очередной раз оставшись без вождя, на роль которого им подходил мученик, а хитрые левые вздумали таким образом опорочить Сторчака перед соперниками, настойчиво предлагая лидерство и намекая на раскаяние и смену его убеждений. И все вместе ждали, когда он взойдет на Голгофу, но поскольку он так и не взошел, все опять заглохло, захирело, покрываясь липучей, намагниченной пылью. Требовался же качественный прорыв, дабы вновь разгорячить, разогнать кровь и смыть потом усталость, как золотарь смывает вонь своей профессии.

Вторую акцию Смотрящий поручил провести Корсакову, бывшему тогда начальником его личной охраны. Взорвали бомбу мощностью четыреста граммов в тротиловом эквиваленте, обстреляли из автоматического оружия, к месту происшествия слетелась стая журналистов, поднялась волна шума и пыли, нашлись и подозреваемые из числа особо ярых ненавистников, и даже закрытый суд состоялся, но результат оказался прямо противоположным. И хоть враги сожалели, что террористы промахнулись, что в бомбу заложили мало пластида, редкие единомышленники поздравляли, назначив ему вторую дату рождения, а пресса резвилась на высокоэмоциональном уровне – его личная температура не повысилась ни на градус и утраченного азарта не вернула. К тому же «злодеев» оправдали за недоказанность и отпустили, чуть ли не сотворив из них народных кумиров. В выигрыше остался лишь туповатый владелец элитного автосалона, который торговал бронированными «мерседесами» и по недомыслию пытался всучить Смотрящему деньги – оплатить рекламную кампанию.

Неожиданный выход предложил ветеран теневой экономики Церковер, который из-за преклонных лет никак не мог вписаться в стремительно убегающее время, однако бесконечно и настойчиво делал такие попытки, испрашивая советы у Смотрящего. Ему не удавалось наладить сырьевой бизнес – не подпускали ни к нефти, ни к газу, ни к трубам и прочим транспортным системам, а Сторчак уже ничем помочь не мог. Неугомонный Церковер по случаю сначала прикупил несколько скважин, но конкуренты устроили пожар и вынудили продать их по дешевке. Старый теневик умел держать и не такие удары. Он приобрел два ржавых танкера и судно для перевозки сжиженного газа в Японию, а когда вчерашний его приятель Чингиз Алпатов по прозвищу Хан и это отнял, причем дерзко и нагло, Церковер пришел к Смотрящему. И долго, со стариковским кряхтением, но азартным блеском в глазах размышлял над новой теорией противников добычи углеводородного сырья из земных недр. Согласно его изложению, нефть являлась кровью земли, газ – легкими, а угольные бассейны – не чем иным, как подушками безопасности, обеспечивающими равномерное вращение планеты. Сама же Земля – живой организм. Бурить скважины и бить шахты в ее коре – все равно что человеку каждый день сверлить череп и выкачивать, например, мозговую жидкость. Безумие обеспечено. А это землетрясения, цунами, извержения вулканов и прочие катастрофы вплоть до «ядерной зимы».

Было странно видеть в бывшем цеховике патриота-теоретика, однако Сторчак его терпеливо выслушал, посоветовал возглавить движение неистовых экологов и создать партию «зеленых». Церковер не обиделся, но философствовать прекратил и спросил прямо:

– Миша, зачем вы пустили «голодных» до нефти и газу? Татары, кавказцы, евреи и даже великороссы – все стали жидами! Моисей их сорок лет водил по пустыне и не смог накормить манной небесной. Я извиняюсь, Миша, но подозреваю, что вы скрытый антисемит! И забыли,

что вашу бабушку звали Сарра Губер. Я отниму у вас израильский паспорт. Вы недостойны носить его в своих широких штанинах.

Израильский паспорт у Сторчака на самом деле был, однако о нем знал только один человек – покойный ныне премьер-министр Израиля, который когда-то этот документ и выдал, чтобы в случае чего защитить известного менеджера: проводить реформы в России было делом рискованным. Откуда знал о паспорте Церковер, Сторчак догадывался, ибо сам хорошо когда-то изучил личность этого предпринимателя.

Еще будучи вице-премьером, Супервизор по сути определил направление его бизнеса, позволив открывать банки, рынки и торговые центры вокруг Москвы. После того как Церковер не без помощи Сторчака выкупил четыреста гектаров земли у разорившегося НИИ зерновых и бобовых культур, расположенного сразу за Московской кольцевой дорогой, его стали называть Оскол – по населенному пункту Осколково, где располагался сам институт. Зачем ему потребовалось столько зарастающих опытных полей с перелесками, побитых стеклянных теплиц и малопригодных, ветшающих железобетонных корпусов, никто не знал, строительным бизнесом Церковер не занимался, впрочем как и сельским хозяйством, однако землю не продавал, а вкладывал деньги, воздвигая высокий железный забор по периметру, содержал многочисленную охрану, и это невзирая на значительные налоги. Губернатор области пытался сначала выкупить весь участок, потом несколько лет судился – земли относились к фонду сельхозназначения и не обрабатывались, – однако Оскол нещадно тратился на адвокатов и не отдавал ни клочка, доказывая, что эта территория принадлежала раньше науке. А чтобы пустыри не мозолили завидующие глаза, он распахивал поля и сеял то, что было дешево, – кукурузу, початки которой бережно снимал усовершенствованным комбайном, и землю вновь запахивал.

Сторчак давно и хорошо знал Оскола, считал его прагматичным, успешным предпринимателем, достаточно прижимистым, даже скупым, и объяснить его столь нерачительное поведение было невозможно. В ту пору Смотрящий создал целую школу капиталистов, куда набирал предприимчивых, но «голодных» людей, еще не подозревая, что пережитый голод – болезнь неизлечимая. И многие, кого он выкормил с руки, потом норовили ее укусить. Церковер же пришел туда «сытым», и его будущий конкурент Чингиз Алпатов, тогда еще без своего громкого прозвища Хан, скромный, даже застенчивый начальник нефтепромыслов из Сибири, взирал на известного цеховика с уважением и в рот ему смотрел. А перед Сторчаком и вовсе трепетал, как дева на выданье, не смея глаз поднять. И вот поди ж ты, осмелел, ханскую силу почуял и отнял баржи у своего однокашника пиратским образом – остановил в море, захватил вместе с нефтью и командами, поднял другие флаги, да и угнал в неизвестном направлении.

Стареющий Церковер к числу «голодных» не принадлежал, поскольку еще при коммунистах два срока отсидел за подпольные цеха на обувных фабриках, незаконные операции с золотом и был еще тогда завербован госбезопасностью в качестве платного секретного сотрудника. Подбирая кадры в свою школу капиталистического труда, Сторчак тогда еще интуитивно запрашивал досье на каждого в самых разных, даже сверхзакрытых инстанциях и, на удивление, получал их – в начале девяностых и это было возможно. Зато потом все его ученики, за редким исключением, становились ручными и управляемыми. В послужном списке Церковера он ничего особенного не вычитал – у иных будущих олигархов автобиография была куда цветистее, – однако отметил то, что искал: Оскол был инициативным, исполнительным и вполне управляемым агентом, все его доносы на товарищей по подпольному золотому рынку не имели мотивов зависти и желчной злобы. Он вообще был веселым, неунывающим человеком и однажды признался, что в юности, подражая Аркадию Райкину, писал юмористические рассказы, интермедии и обожал составлять ребусы.

Теперь Церковер жил по понятиям, добро помнил, ценил, был благодарен и, несмотря на восьмой десяток, оставался все тем же бодрячком, однако уже склонным к старческой философии, мистике и неожиданным экспериментам. Но даже при всем этом Сторчак относился к

нему серьезно и с уважением, ибо запомнил его науку – случайно или с умыслом, но однажды Церковер проронил фразу, которой руководствовался сам всю свою жизнь и которая стала ключевой для будущей карьеры Смотрящего: «Запомните, Миша: кто владеет информацией, тот обладает реальной властью. Суть менеджмента заключается в умении создавать золотой запас информации и сколько угодно потом печатать бумажную валюту. Все остальное – сор, который можно выносить из избы».

Сторчак тогда не особенно-то проникся таким витиеватым философским заключением старшего товарища, но всякий раз вспоминал его, когда остро ощущал, как власть уходит из рук. И чтобы вернуть ее, он не боролся ни на ковре, ни под ковром, не плел интриг, никого не подсиживал и ничего ни у кого не просил. Он тихо и молча собирал информацию из самых разных источников, добывал ее, как старатель золото, и когда масса знаний набирала критический вес, она, власть, сама падала в руки.

Однажды Сторчак спросил Церковера про земли Осколкова и бесполезную для общества кукурузу – областной губернатор доставал, полагая, что через Смотрящего можно надавить на упрямого бизнесмена.

«Миша, идите за мной, – попросил тот. – Идите и не пожалеете. Я открою вам тайну кукурузного семени!»

Любитель ребусов привел его на стоянку автомобилей, поставил возле выхлопной трубы и велел своему водителю запустить мотор.

«Понюхайте, Миша, и скажите – чем пахнет?»

«Горелым маслом, – понюхал и заключил Сторчак. – Странный запах...»

«Вы пессимист, Миша! – развеселился Церковер. – Так пахнут жареные пирожки! Когда вы в последний раз ели пирожки? Знаете, когда жарят прямо на улице, на большом противне, где много кипящего масла? Да, там много канцерогенов, сплошной холестерин, но как это вкусно, Миша! В вологодской пересылке я слышал этот аромат сквозь решетчатое окно и мечтал хоть чуть-чуть отравиться вредными веществами. Там жарили пирожки на улице Энгельса...»

Если опустить его лирические отступления о своем мрачном прошлом, получалось, что Оскол из кукурузного зерна получает масло и заправляет его в бак автомобиля, для чего приобрел в Штатах технологическую линию.

И тогда впервые Сторчак услышал от него сочетание двух слов – «альтернативное топливо»...

«Что мне делать, Миша, когда не пускают на нефтяной рынок?» – декларативно спросил Церковер.

Его новое предложение новизной не отличалось. Начальная его суть отдавала соответствующим топливным запахом, смешанным с ароматами иррациональности, алхимии и неожиданной утопичностью. Впрочем, как и теория о живой Земле.

– Миша, давайте вместе подумаем, как противостоять мутации, – сказал Оскол. – Голодные жиды скупают по всему миру самые роскошные дворцы, яхты, газеты и футбольные клубы. И этим навлекают на наши головы зависть и гнев. Нам нельзя забывать Веймарскую республику.

Сторчак от его душевительных разговоров и неутомонности уставал особенно, поскольку ничем уже старику помочь не мог.

– Я поговорю с Ханом, – пообещал Смотрящий. – Он вернет вам баржи.

– Не нужно говорить с Ханом, – как-то весело и самоуверенно заявил Церковер. – И эти старые калоши теперь мне не нужны. Все равно скоро потонут. А когда потонут где-нибудь возле европейских берегов, пусть Чингиз собирает нефть с поверхности моря, судится с властями, воюет с «зелеными».

– Вам удалось наладить массовое производство кукурузного бензина?

– К сожалению, это тупиковый путь. Путь крайнего отчаяния. Хотя улицы у нас очень вкусно пахли бы жареными пирожками...

– И что же вы предлагаете заливать в баки? – хмуро спросил Сторчак. И услышал то, чего ожидал:

– По-прежнему искать альтернативу углеводородам.

– Кто ее потерял, чтобы искать?

– Мне решительно не нравится ваше настроение, Миша! Пессимизм влияет на работу желудка и печени.

– Я не доверяю современным ученым. В стране остались прохиндеи, ловкачи и бездари. Живут старым жиром. Все талантливые уехали. Кому искать?

– Тут мы с вами полные единомышленники, – согласился Оскол. – Взрастим свою научную элиту, из молодежи. Не пожалеем средств и создадим фабрику гениев. А они сотворят нам будущее.

Благотворительностью он не увлекался, и если бы не история с НИИ зернобобовых, можно было подумать, что этот человек впадает в детство или вздумал покончить с собой.

– Они вам сорок лет будут искать альтернативу и водить за нос, – попробовал отговорить его Смотрящий. – Потом убьют. Как Моисея. Бессрочная перспектива и напрасная трата денег.

Церковер помедлил, примерился, словно перед стартом, и сделал знак своему начальнику службы безопасности, который всюду следовал за шефом. Этот плоский, невзрачный и какой-то безликий человек напоминал птицу, вырезанную из картона, носил соответствующую фамилию Филин, и даже голос у него оказался таким же шуршащим и скрипучим. Внешне Филин был настолько неприятен Сторчаку, что притягивал к себе взгляд, как притягивает все некрасивое и уродливое, однако Церковер его ценил за деловые качества и однажды признался, что на самом деле бывший генерал ГРУ возглавляет у него разведслужбу и что лучшего специалиста в области экономического шпионажа не сыскать. Скорее всего, он и был у Оскола главным сборщиком и хранителем информации.

Этот скрипучий профиль всюду носил с собой старый, мятый портфель – «ядерный чемоданчик» Церковера, где и в самом деле, кроме документов, были спутниковый телефон, заряженный пистолет-пулемет, степлер и еще много чего на все случаи жизни. «Если бы, Миша, вы видели его послужной список! – шепотом восхищался Церковер. – Но я вам никогда его не покажу. Боюсь, отнимите и заберете себе в штат!»

Филин повозился с замком портфеля, без единого слова извлек папку с нужными документами, сел, уставившись в одну точку, и превратился в прямую линию с оттопыренными ушами. А Церковер, подглядывая в бумажки, за десять минут вывалил если не все, что знал об альтернативах углеводородам, то значительную часть мирового опыта, включая сведения о проводимых секретных работах в экономически развитых странах. Супервизор ему доверял, хотя Оскол, кроме своего начальника разведслужбы, никого из многочисленной агентуры не показывал, не выдавал источников своей информированности, но его данные можно было не проверять. И оставалось гадать, какой же штат состоит на службе у фанерной птицы.

Будучи куратором атомной энергетики, Сторчак не сомневался, что знает все о видах энергии и способах ее получения. Но оказывается, в одной из закрытых лабораторий Китая уже идет отработка технологии добычи нового, безопасного и высокоэнергетического вида топлива, которое получают буквально из солнца, воздуха и воды. В это никто не хочет верить, никто не воспринимает серьезно, и напрасно: Поднебесная сейчас на взлете, там все получится. По сведениям Церковера, еще год-два, и проворные китайцы начнут массовое производство уникального топлива, причем в невероятных масштабах, поскольку, имея специальное оборудование, извлекать его можно в любом гараже, подвале, а лучше под навесом из рисовой соломы. Сырье, исходный материал – вокруг нас, и запасы его неисчерпаемы! Однако комму-

нистические власти наложили на это свою лапу и хотят сделать государственную монополию, а что такое монополия в Китае, известно: за всякую утечку расстрел.

– Так что займемся еще и промышленным шпионажем, – деловито заключил Церковер. – То есть разведкой. И это я готов финансировать безотлагательно и в полном объеме.

Сторчак покосился на неприятный птичий профиль Филина.

– Если в Китае госмонополия, не поможет даже ваш мастер экономического шпионажа.

Церковер усмехнулся и отер усталое лицо – не спал ночь, мешки под глазами...

– Миша, а знаете ли вы, откуда высокие технологии пришли в Поднебесную?

Смотрящий равнодушно пожал плечами:

– Из поднебесья, если высокие. То есть откуда-нибудь с Гималаев, с Тибета. Там кудесники обитают...

– Из России. И совсем недавно.

Филин развернулся анфас и покивал, хотя на его желтом, бумажном лице ни один мускул не дрогнул.

Тут Сторчак не поверил даже Осколу, информацию коего ценил очень высоко.

– Прошу прощения, – язвительно вымолвил он, – как говорят наши простые граждане – кто же это втюхал им фуфло?

– По моим сведениям, китайцы получили практически готовое универсальное топливо. – Церковер влюбленно посмотрел на своего начальника разведслужбы. – Правда, только опытные образцы. И у них пока не клеится производство. Но они создадут промышленное оборудование и запустят. Мы вполне можем их опередить.

Филин опять покивал круглой, ушастой головой. А вдохновленный Оскол добавил:

– Гений живет в нашей стране. Как всегда, непонятый, неоцененный, никому не нужный. Может, по соседству с нами. И его можно найти!

Уставший от всего Сторчак еще внутренне противился и одновременно уже почувствовал некий бодрящий, освежающий сквозняк. Но перед Церковером лучше было этого не показывать.

– Если он гений, зачем ему фабрика? – проворчал он. – Гении – всегда одиночки. Это рок.

– Миша, я вас не узнаю! – воскликнул жизнерадостный Оскол. – Фабрика нужна в любом случае, даже если скромный автор открытия будет сидеть перед нами. Китайцы уже столкнулись с проблемой не только производства топлива. Острая нехватка мозгов, нет ученых, мыслящих на уровне высоких технологий. Все новое начинает диктовать свои условия. Нужны совсем иные энергетические установки, электростанции, металлургия. Это не мазут и не газ, его в котле не сожжешь, в домну не засыпешь. Потребуются кардинальные перемены, технологический взлет, и тут одним гением не обойдешься. Их надо сотни, мозгов много не бывает. А кто еще может возглавить революцию гениев, Миша, если не вы?

– Как хоть выглядит это топливо? – спросил Сторчак.

– А его никто еще не видел своими глазами, – честно признался Церковер. – Даже мой Филин.

– Лучше бы нефтяники пустили вас на свой рынок, – с ухмылкой посожалел Супервизор. – И зачем Чингиз отнял у вас баржи?.. Рассказать, почему происходят технологические революции в России, – не поверят...

– Последний да будет первым! – мстительно и клятвенно произнес Оскол.

– Вы, разумеется, вложите свои капиталы. И станете считать дивиденды?

– Я готов отдать всё. Вы думаете, зачем старый человек купил Осколково? Чтобы над ним смеялись? Нет, там взаперти и под охраной давно работает моя аналитическая группа. Моя личная шарашка. Это большие, но очень голодные ученые. Голод в этом случае весьма полезен: кровь приливает к голове, а не к желудку. Мы возьмем таких же голодных и молодых, дадим немного пищи, слегка насытим их, а они принесут нам новейшие технологии.

– Ну и флаг вам в руки!

– Миша! Молодые очень много едят, у них нет чувства сытости. Я кажусь себе нищим и несчастным, как подумаю, сколько нужно манны небесной! Идите к Братьям Холикам, они вам поверят и не откажут. У них нет новых идей, а выборы не за горами... и много сдобного хлеба. Фабрика гениев им понравится, это изюм без косточек.

Филин взял из рук шефа папку и положил перед Сторчаком, исполняя молчаливое желание шефа.

Президент и премьер почти одновременно начали увлекаться хоккеем, и когда играли в товарищеских матчах в одной команде, отличить их в доспехах было почти невозможно. Возмужавший на блестящем хоккее семидесятых, Церковер однажды удачно назвал их Братьями Холиками, вспомнив знаменитых чехословацких спортсменов, и это прозвище для внутреннего пользования к ним приклеилось.

Оскол вручил ему подробную пояснительную записку к проекту и ушел вместе с Филиным, оставив Сторчака в некотором замешательстве. Читать сочинение бывшего и обиженного цеховика Сторчак не собирался, ну если так только, полистать, но все же выполнил обещание – позвонил Чингизу Алпатову и порекомендовал вернуть отнятое.

– А пусть он вернет куст на Иргульском месторождении! – бесцеремонно выставил тот свое условие. – Это мои скважины!

В последнее время Смотрящего часто призывали как третейского судью, но разбираться сейчас, кто и что у кого отнял, он не собирался. К тому же его возмутил тон бывшего скромняги-парня. Иногда олигархи в его присутствии теряли самоуверенность и вели себя как дети, предъявляя друг другу невразумительные претензии. Или поочередно бегали и наушничали, поливая грязью своих же товарищей и партнеров.

– Ты ограбил старого, уважаемого человека, – однако терпеливо пожурил Смотрящий. – Надо отдать ему баржи и еще извиниться.

– Сторчак, я не звал тебя, не жаловался, когда Оскол залез в мою вотчину! – возмутился Алпатов. – Без тебя разберусь! Я – Чингиз, понимаешь, да?

Когда сильно волновался, Хан начинал говорить с акцентом, однако некоторые утверждали, что это своеобразный психологический прием, способ давления на собеседника – подчеркнуть свое нерусское происхождение и будто бы крикнуть, дескать, обижают малые народы!

Смотрящий от возмущения на минуту ошалел и продолжать беседу не стал. Бросил телефон и, придя в себя, взялся за сочинение Церковера.

За ночь он прочел его дважды и всякий раз мысленно соглашался со всеми выкладками и мотивациями грандиозного проекта. Смущало единственное – сказочность альтернативного топлива, которое никто не видел, и мифичность самого гениального изобретателя. Оскол ссылался на результаты аналитических исследований архива совместной со шведами компании «Валькирия», которая вела розыски не менее мифического золотого хранилища на Урале и когда-то благополучно прогорела. Смотрящий хорошо помнил эту историю начала девяностых, романтического периода, когда еще безоглядно верилось в успех самых умопомрачительных проектов, – сейчас она ничего, кроме ностальгической улыбки, не вызывала. Сам по себе архив компании был интересен как источник данных почти столетних исследований в области кладоискательства, поскольку вбирал в себя прежние наработки некогда секретного, еще советского НИИ при Министерстве финансов. Однако вся документация считалась безвозвратно утраченной – по крайней мере Сторчак помнил давнее обсуждение этого вопроса в Совбезе. И вот оказывается, архив кладоискателей всплыл и теперь был собственностью Церковера. А его аналитики тщательно изучили бумаги и пришли к выводу, что некие хранители сокровищ Урала причастны к появлению на свет этого самого неведомого топлива, у них существовала программа «Соларис», которая якобы была успешно завершена. Тем временем в Китае при одном из химических заводов возникла сверхсекретная лаборатория, где уже имеется готовый

результат, полученный из России будто бы так, за здорово живешь, и китайцы уже налаживают производство, изобретают технологическое оборудование.

Скорее всего, Оскол опирался на эту смутную информацию, добытую личной разведкой, и полагал, что альтернатива нефти, газа и угля была давно найдена и технология где-то до поры до времени хранилась. Но каким образом она попала в Поднебесную, не объяснялось, к записке прилагались не менее смутные фотографии, сделанные скрытой камерой либо мобильником будто бы в секретной лаборатории – какие-то вогнутые круглые экраны или зеркала, обращенные вверх, блестящие конусы, пирамиды, переплетение труб, резервуары и призрачные фигурки людей в белых халатах. Возможно, скрытный, себе на уме, Церковер обладал еще какой-то информацией, которую держал, как фокусник, в рукаве, и считал, что изложенного достаточно, дабы заинтересовать кого-либо из Братьев Холиков.

Прагматичному Сторчаку же показалось, что этого мало или необходима экспертиза, свежий взгляд третьего лица, и такой человек у него был, но отдавать в чужие руки записку – значит самому организовать утечку. И можно представить себе, что произойдет, если в нефтегазовом комплексе узнают о ее существовании. Смотрящий не сомневался: ироды зарежут этого еще не родившегося младенца и уже не руку укусят – заложат фугас такой мощности в тротиловом эквиваленте, что не спасет «мерседес» даже в танковой броне. Судя по тому, с какой стремительностью росли цены на нефтепродукты, «голодные» только входили во вкус и приближаться к их корыту накануне выборов было опасно даже Братьям Холикам.

С такими невеселыми мыслями и подспудными сомнениями он и отправился к премьеру, который незадолго до этого публично призывал нефтяников снизить цены на заправках и грозил штрафами. А те, судя по Чингизу Алпатову, вообще потеряли страх, кивали и повышали цены, бросая вызов Братьям Холикам. Это и вселяло мерцающую надежду: предложить премьеру новый идеологический рычаг давления на «голодных» и алчных. Пусть они услышат об альтернативном топливе, пусть засуетятся, когда узнают, что правительство выделяет на исследовательские работы какие-то деньги. И это не кукурузное или соевое масло, не ослиная моча – загадочные нанотехнологии, сконцентрированная каким-то образом солнечная энергия, которую китайцы пытаются извлечь из воздуха, а значит, на Западе уже знают и об этом говорят. Косвенная, тщательно скрываемая дезинформация всегда работает продуктивнее, чем декларации и заявления.

Премьер выслушал его внимательно, по крайней мере внешне сарказма никак не проявлял, и создалось впечатление, что Сторчак не первый, от кого он слышит о топливе, гении и китайцах. Хорошо это или плохо, по его виду определить было невозможно – младший Брат Холик умел скрывать чувства, но обещал ознакомиться с запиской в самый короткий срок и потом доложить старшему. Смотрящему он не мог отказать.

Сторчак не рассчитывал на скорый результат, зная внутреннюю кремлевскую кухню бесконечных согласований, консультаций и дипломатических выкрутасов. Во власти начинался очередной застой, даже первые лица не хотели принимать решений единолично, прикрываясь командной работой, но тем самым прикрывая свою слабость. И нефтегазовые молодые и «голодные» переярки это чували, скалились и щелкали клыками, как Чингиз. Вряд ли Братья Холики рискнут их поугаать в преддверии выборов. Чего доброго, и сами испугаются новых, неизведанных технологий и грандиозности революционных перемен. Худо-бедно сырьевая экономика наполняет бюджет, а тут одна кофейная гуща...

Даже для искушенного Сторчака реакция Братьев была неожиданной и поразительно скорой. Это укрепило догадку, что Холики уже получали откуда-то информацию о китайских инновациях в области энергетики и знали об их российском происхождении. Совещание хоть и проходило в закрытом, кулуарном режиме загородной резиденции, но на него были приглашены Церковер и эксперт – тот самый, которому Смотрящий хотел показать записку. А то, как выслушивали их доклады и принимали решения, напомнило Сторчаку благодатное

начало девяностых, когда еще не существовало вялотекущих аппаратных посиделок с зевотой до судороги в челюстях. Братья Холики внесли свои поправки в проект и вместо романтической, заимствованной у музыкальных шоу, фабрики гениев уже был инновационный научно-производственный технопарк Осколково. Причем он охватывал своей деятельностью широкий круг вопросов нанотехнологий, от быта до космоса, в которых можно было спрятать основную задачу – работу над альтернативным топливом. И делать это предлагалось как в добрые старые времена: никто, кроме руководства, не должен был знать, о каком конечном продукте идет речь. То есть как в анекдоте – что ни начини собирать на советском заводе, в конечном итоге всё танк получается.

После совещания Сторчак не выдержал и спросил:

– Признайтесь честно, вы побывали у Братьев без меня?

У Оскола на щеках играл розовый стариковский румянец и глаза были как у святого – пречестнейшие.

– Последний да будет первым! – повторил он, как мантру, уклоняясь от прямого ответа.

И Филин, со своим толстым, обшарпанным «ядерным чемоданчиком» ожидавший шефа, согласно покивал, тараща круглые, немигающие глаза.

Смотрящего провести было трудно.

– И что же такое вы им рассказали? Чего не знаю я?

Они разговаривали, как двое глухих.

– Миша, я вас умоляю! Ищите гения!

– Наверное, это у вас лучше получится. – Смотрящий глянул на Филина. – С такими-то профессионалами...

– У моей службы своя задача, – перебил его Оскол. – Она занимается аналитической работой. А потом, это старые, заслуженные люди, пенсионеры. Тут же нужны быстрые ноги и зоркие очи. Привлеките Корсакова – он засиделся у вас в охране, а я вижу в нем потенциал.

Начальник личной разведки опять отстраненно покивал, словно налагая визу на решение шефа.

Открывали технопарк так же поспешно, как и принимали решение на совещании, с широкой рекламной помпой, при большом стечении прессы, которая снимала и писала что прикажут, но, будучи в душе свободной, исподволь и сразу же окрестила Осколково Кукурузой – вероятно, по аналогии с хрущевским кукурузным проектом, либо оттого, что на вспаханных нивах пробивались дружные всходы этого чудодейственного растения. Приглашенные иностранные журналисты конечно же порезвились на эту тему, снимая пустые глазницы окон институтских корпусов на фоне зеленеющих полей. Свои борзописцы поиронизировали насчет попкорна, но ни один их шпионский глаз не узрел, ради чего все затеяно. Те и другие одинаково посчитали – Братья Холики обеспечивают себе славу поборников передовых научных достижений и хотят остаться на второй срок.

Как прикрытие годилось и это...

3

На миг, словно крупная гибнущая рыба, блеснула чешуйчатым боком мысль, что так не должно быть, все получается как-то уж слишком просто, слишком достижимо, но рассудок уже не повиновался, ибо она произнесла то, что и должна была произнести в этом случае. И сопротивляться ее слову – впрочем, как и руке – стало бы преступлением.

Изумрудные глаза Белой Ящерицы светились в полумраке точно так же, как тогда, в подвальном окне флигеля музея Забытых Вещей...

Сколот вложил пальцы в венец, отделил первую прядку и неумело коснулся ее зубьями гребня. Волосы Роксаны словно озолотились и рассыпались по обнаженной спине, источая желтый свет. Далее все было как в дорожной дреме, когда явь смешивается со сном и их уже не различить. Блестящая чешуя разума еще мерцала в зеленой и глубокой морской воде, напоминая о вороватой скоротечности этого мгновения, когда все надо делать с оглядкой, прислушиваясь к внешнему миру, но призрачный свет от волос и осязаемая, золотистая и отчего-то колкая кожа ее тела вселяли ощущение вечности.

Сколот очнулся от того, что зубья гребня глубоко впились в его ладонь и сочилась кровь, а пальцы, пережатые переплетением венца, сделались бесчувственными и вся рука затяжелела и онемела, как дубина. Реальность возвращалась вместе с тускнеющими, меркнувшими волосами, разметанными и уже скатавшимися на синей, как ночь, звездчатой простыне, и вместе с ними тускнело все, что было прекрасно и чем он еще недавно восхищался, – глаза, лицо, руки, светящаяся плоть. И только голос Роксаны, прежде вплетенный в слабый смех, слезы и невзрачные страстные стоны, вдруг обрел цвет и яркость.

– Ой!.. Ты синяков мне наделал!

На ее бедрах и впрямь остались голубые пятнышки от пальцев...

– Прости, – повинулся он.

– Ничего... Это у меня кожа такая.

Сколот встал перед ней на колени, а она вдруг встрепенулась, вскрикнула и отвела его руку с гребнем.

– Испортили постельное белье!

Увидела то, что не должна была замечать, и сказала совсем не те слова – это окончательно встряхнуло Сколота. За окном, словно испорченная простыня, уже синели сумерки, высвеченные красным закатом, и это еще больше напугало Роксану.

– Мы же проспали! – Она вскочила, сдирая с кровати простыню. – Надо застирать холодной водой... А ты одевайся и беги к себе! Скоро приедет Корсаков!

Сколот с трудом вырвал зубья из ладони, распрямил пальцы и сдернул с них венец. Гребень упал на скрипучий паркет и закачался, словно лодка на волнах – вода уже шумела в ванной. Кровь теперь капала на пол, и Сколот, сжав руку в кулак, натянул брюки и майку. И ничего в тот миг, кроме обиды и какой-то детской обманутости, не испытывал. Роксана на секунду выглянула из ванной – была уже в халатике, и волосы собраны в пучок.

– Всё, Алеша! Иди! – зашептала она и замахала рукой. – Пока-пока! Дверь захлопни. Я к тебе ночью приду! С ответным визитом! – И засмеялась собственной нелепой шутке, хотя глаза оставались испуганными.

Сколот уже захлебывался от смешанных чувств, поэтому ничего не сказал и торопливо спустился на первый этаж. Только оказавшись в своей квартире, он сделал первый вдох, словно вынырнул из зеленоватой пучины, заметался по комнатам. И увидел из окна, как на стоянку зарулил автомобиль соседа! Обычно Корсаков не сразу выходил из машины – что-то выключал, собирал вещи, пакеты, – тут же, будто предчувствуя обман неверной жены, поспешно выскочил

и направился к подъезду. И на ходу еще глянул на окна, но не на свои, а, почудилось, этажом ниже...

Что-то почувал!

Сколот ощутил себя вором, преступником, нарушившим табу, и понял, что ни оправдания, ни прощения ему нет, по крайней мере в первые минуты ему так казалось. Во всем виноват был только он: купился на ее внешность, поддался на приманку длинных волос, достойных золотого гребня, выдал желаемое за действительное и – самое главное – своим подарком смутил Роксану, подтвердил готовность к их тайному заговору, подвиг ее на подлый и пошлый соседский роман...

И теперь, когда она явится ночью, придется открыть, ибо сидеть и таиться за дверью – крайняя степень подлости и гнусности...

В тот момент ему даже хотелось, чтобы Корсаков захватил жену врасплох, обнаружил его кровь, раскрыл измену и пришел к нему, чтоб отомстить за разрушенную молодую семью. Сколот ждал громких разговоров наверху, каких-нибудь разборок, скандала, потом звонка в свою дверь, стука, однако над головой стояла умиротворенная тишина, даже паркет не скрипел в коридоре. Похоже, обманутый, рогатый муж ничего не заметил ни в первые десять минут, ни спустя час, когда безмолвие у соседей стало пугающим. Что, если этот молчаливый программист с порога обо всем догадался? Вряд ли Роксана успела привести в порядок постель и убрать в спальне, где они устроили разор...

Догадался – и в гневе молча задушил жену подушкой?

Сколот наскоро оделся, тихо открыл дверь и выбежал на улицу. С детской площадки, если встать на скамейку, окна второго этажа просматривались хорошо, тем паче соседи включили свет и еще не задернули шторы. Марат со своей неверной супругой мирно сидел на кухне за столом, причем Роксана вроде бы даже улыбалась, подняв зеленый бокал с темным вином, – картина семейная, идиллическая...

Но самое поразительное, что он отчетливо увидел, – в казавшихся темными волосах ярко искрился золотой венец!

Конечно же Корсаков ни о чем не подозревал, и чувство обманутости, предназначавшееся ему, всецело перевалилось на Сколота, будто не соседу, а ему только что изменила жена. И вместе с этим вдруг возникла решимость ни за что не открывать ей дверь, если придет ночью, а лучше всего сказать все, что он думает.

Вернувшись в квартиру, Сколот слегка остудил жгучее тление, плеснув на него чувством собственной вины, и вдобавок к этому, словно незримое подводное течение, его вдруг повлекли запретные, подлые воспоминания, как он, стоя на коленях перед Роксаной, творил колдовской, алхимический обряд расчесывания ее косм. Как они, реальные, густо-тяжелые, теряли земное притяжение, зависали в воздухе, словно в невесомости, и вместе с ними ее тело утрачивало плотскую суть. Еще бы несколько минут – и от внутреннего противления не осталось бы следа. И тогда он придумал некий компромисс – уйти из дома хотя бы на эту ночь.

Чтобы не открывать ей дверь...

А чтобы задушить соблазны, вызвать неприязнь к Роксане, заставил думать себя о том, какая она коварная, распущенная и развратная, если через несколько месяцев после свадьбы уже изменяет мужу и этого совершенно не стыдится! А тот, верно, святая простота, увлеченный и притомленный работой, ей верит, потому ничего не замечает и крепко спит.

Сколот перевязал все еще кровоточащую ладонь, взял с собой гитару, хотя петь в переходе уже было поздно, да и отсутствовало всякое желание, и отправился на вокзал, что иногда делал, тоскуя от оседлости своего существования. Представлял, будто он собрался в путь и теперь ждет поезда: от одних таких мыслей появлялись тугая, пружинистая энергия, радость и аппетит. Он съедал за ночь пару десятков пирожков, прочитывал все расписания, интересо-

вался стоимостью билетов и, бывало, даже покупал – это чтобы пустили в зал ожидания, где можно поспать.

На сей раз ночь показалась ему долгой и мучительной, ибо, едва он прикрывал глаза, память бросала в лицо расчесанные волосы Роксаны, которые секли, как осока, и пирожки не лезли в горло, от расписания поездов мутило, а уходящие составы не вызывали трепета, как прежде. Едва дождавшись утра и открытия метро, он поехал на свою точку, в бетонную трубу.

Стоило пропустить один день, как его намоленное место уже заняли: незнакомый коробейник с сигаретами явно скучал от недостатка покупателей.

– Пошел вон, – сказал ему на ухо Сколот. – Моя точка.

Мужик ухмыльнулся, отступил на два шага в сторону и встал. В переходе, как в государстве, были свои, надо сказать, изящные законы, в том числе и борьбы с конкурентами: например, там, где звучит музыка, не место табаку, маринованным огурцам, попрошайкам и прочей пошлости.

Сколот наступил каблуком на носок сандалии коробейника.

– Сгинь с глаз.

Тот хотел возразить, и уже ненависть вызрела в глазах, но что-то увидел, перешел на противоположную сторону и встал у стены, как подпорка. Добивать его охоты не было. Несмотря на рань, Сколот достал гитару и начал концерт с песни про то, как приходится плавать с акулами в открытом океане. Пел со злой отчаянностью, испытывая боль в проколотой руке – той самой, которой теперь «расчесывал» струны. Хотел выбить из себя, отринуть навязчивые воспоминания – и одновременно горевал по прошлому, точнее, прошедшему сиюминутному счастью, что уже не повторится.

Было около семи утра; обремененный заботами, целеустремленный, далекий от искусства народ валил тучно – ничем его было не увлечь, не своротить, но тут неведомо отчего люди притормаживали, оглядывались, а иные и вовсе останавливались, слушали и лезли за кошельками. Он еще не допел, но собрал уже десятка два самых разных слушателей, к своему удивлению, больше молодых мужчин, публики специфичной, не терпящей, чтобы ее «грузили» с утра философскими текстами. Тут же даже аплодировали, и, вдохновленный, Сколот продолжал петь, не меняя жанра, теперь про волка-одиночку.

И вдруг среди ершистых голов узрел женскую, с венцом в волосах!

Он толком не рассмотрел лица, и показалось, она умышленно и даже озорно прячет его за спины, словно хочет сделать сюрприз, показывая лишь гребень. Сколот помнил всех, кого увенчал, по крайней мере был уверен – узнает по взгляду, поведению, но когда женщина вдруг очутилась близко и глянула прямо, с недоумением увидел совсем незнакомую, лет тридцати, яркую, заметную в толпе, но с короткими, до плеч, волосами.

Всего он раздарил более десятка венцов, и лишь одна, похожая на Мальвину, вскоре пришла и вернула незаслуженный подарок.

– К сожалению, не могу принять, – птичьим голосом сообщила она. – Это чистое серебро. Самой высокой пробы. Я сдавала на анализ. – И показала на гребне урезанный на пару миллиметров зуб.

– Но подарки не возвращают, – попытался уговорить ее Сколот. – Плохая примета.

– А я сделала стрижку! – Она сняла шляпку с бантом, показала мальчиковую головку и положила венец в чехол, к мятым десяткам. – Наверное, вы ошиблись, – добавила. – Обознались!

Он и впрямь ей единственной подарил гребень из жалости, как самому верному слушателю, поскольку приходила каждый день, влюбленно взирала и выглядела несчастной...

Другие не пришли, и не потому, что были недогадливые, не сообразили показать подозрительно тяжелую, отливающую дешевым, монетным никелем безделушку специалистам; скорее всего, решили, певец из перехода что-то напутал или это какая-то коварная провокация и

лучше ему больше на глаза не попадать. Отнимет, потребует заплатить или вовлечет в опасную секту. Некоторые слушатели считали, что он проповедник тайной общины, – судили по его чарующим песням, спрашивали, мол, отчего ты поешь песни о чистой, возвышенной любви, о чувстве долга, совести и чести, когда кругом грязь, убогость, продажность и предательство? Иные, как девушка в инвалидной коляске и парень с китайской бородкой, напрямую интересовались, как можно познакомиться с его руководителями и вступить в общину. Сектантство в неформатных песнях усматривала даже продюсерша, однако это его как раз и устраивало.

То есть посылаемые Сколотом знаки не срабатывали, не достигали цели, иначе бы он давно получил ответный знак. И все-таки он продолжал невольно высматривать их в толпе, скользя взглядом по женским головкам, надеясь узреть, кто же из длинноволосых избранниц осмелится вернуться с демонстративно воздетым венцом и сказать заветные слова.

И вот наконец дождался – возвращался второй гребень, но на чужой голове, не единожды издевавшей ножницы, бигуди и краски, причем в тот момент, когда Сколот менее всего ждал, отягощенный смесью чувств недавнего промаха, воровского греха и обмана.

Сколот смотрел на нее и думал: сейчас, как только он допоеет, она непременно подаст ему сигнал, скажет заветные, ему одному понятные слова, такие же пронзительные и манящие, как ее взор. Или уж, как Мальвина, вернет подарок. В общем, проявит себя. Однако незнакомка даже песни не дослушала, бросила сто рублей в чехол и тотчас скрылась в переходе, за спинами прохожих. Сколот успел заметить, что походка у нее странная, семенящая, не для таких длинных и стройных ножек – будто споткнуться боится, будто на ощупь идет, как слепая. Возможно, что-то ее напугало – любопытство собравшихся, например, потому как рядом оказались три цыганки с детьми, буквально к ней липнувшие.

Улучив момент, когда волна прохожих иссякнет, он тщательно осмотрел ее сторублевку, единственную среди мелких денег: ни надписи, ни знака, если не считать достаточно высокого номинала – обычно бросали десятки, реже полусотни и мелочь. И все равно это что-то значило! Давало надежду, что незнакомка придет еще, и не только затем, чтобы послушать его концерт.

И она и в самом деле вернулась, причем в тот же день, в момент, когда Сколот уже собирался уходить перед вечерним наплывом народа. А возможно, появилась и раньше, поскольку на сей раз близко не подходила, стояла у противоположной стены, возле торговца сигаретами, и явно поджидала его, Сколота, бросая пристальные взгляды. Он раскланялся с редкими слушателями, спрятал гитару в чехол, натянул вязаную шапочку и, лавируя, пересек лавовый поток пассажиров. Гребень теперь был не в прическе – в руке, точнее в раскрытой ладони, нанизанный венчиком на ее ухоженные пальчики.

– Скажи-ка мне, Боян, откуда у тебя эта вещица? – со скрытой издевкой спросила она и подняла испытующий взор.

Песни и впрямь напоминали баллады, но Бояном его никто не называл, даже в насмешку.

И это были опять не те слова, которых он ждал...

– Пусть придет та, которой я дарил этот гребень, – потребовал Сколот. – Ей скажу.

Они разговаривали тихо, насколько это было возможно в шумном переходе, чтобы слышать друг друга, однако коробейник с сигаретами вострил ухо и чему-то ухмылялся.

– Ты помнишь всех, кому дарил? – будто бы изумилась женщина, а сама рассматривала забинтованную поперек ладонь Сколота. Словно догадывалась и намекала на то, что произошло вчера! И это его неприятно встревожило.

– Помню, – отозвался он.

– Не пожалеешь, если приведу? – с вызовом усмехнулась женщина. – В очередной раз не ошибешься?

Это уже был прямой намек на встречу с соседкой. Сколот спрятал забинтованную руку в карман, усмехнулся тоже и побежал по ступеням вверх.

И тут услышал фразу, брошенную ему вслед, но более напоминающую слуховую галлюцинацию:

– Не ходи домой!

В то же мгновение он обернулся, потом встал – женщина удалялась семенящей походкой, выделяясь тем самым из спешащей толпы, шагающей широко и напористо. Через три секунды она растворилась в потоке, хотя показалось, это был ее голос, только уловленный не слухом, а словно прозвучавший где-то внутри.

Все-таки он решил, что послышалось: сказывалась бессонная ночь на вокзале и ровно полсуток, проведенных в бетонной трубе, где постоянно звучат обрывки фраз, реплик и мимоходом оброненных слов.

Жил Сколот на Красной Пресне, на улице Заморенова, и домой часто ходил пешком, ибо статичная работа требовала движения, а тут еще весенний вечер был солнечным, каким-то безмятежным от аромата распускающихся тополиных почек, который перебивал все городские запахи и угнетающие мысли. На дорогу таким образом уходило чуть больше часа, однако сейчас он шел прогулочным, расслабленным шагом, и все же проветрить голову так и не смог, ибо испытывал навязчивое ощущение, будто кто-то смотрит ему в спину. По пути он съел три сосиски в тесте, выпил растворимый кофе под летним навесом – это был ужин. И там заметил парня, которого уже видел, когда шел еще по Садовому, до того как несколько раз повернул на перекрестках.

Все полтора года в Москве Сколот не сидел в подполье, если не считать двухмесячного уличного периода, когда он кочевал по молодежным группировкам, и не менял квартир. Напротив – жил почти открыто, на людях, утаивая лишь алхимические опыты. И это было лучше всякой конспирации, ибо, считал он, прятать что-либо от чужих глаз лучше всего на видном месте. Его много раз забирали в милицию, когда в переходах проводились облавы или просто так, чтобы вытряхнуть из певца дневную выручку. Ни к его личности, ни к паспорту, купленному в переходе, у властей претензий не возникало, и слежки он никогда не замечал. В этот раз тоже оказалось, что ошибся: от кафе до квартиры оставалось совсем немного, и Сколот умышленно двинулся по другой улице, причем с оглядкой, но никакого «хвоста» не обнаружил. Дворами он подошел к своему дому, сразу отметил: машины соседа во дворе нет, – и, стараясь держаться поближе к стене, чтобы не заметили из окон, вошел в подъезд.

Здесь даже запах, исходящий от кактусов на подоконниках лестницы, напоминал ему о вчерашней встрече с Роксаной. Открывая замок, он вдруг подумал, что квартиру придется поменять и сделать это завтра же, иначе не отвязаться от воспоминаний. Побродил по углам, стараясь не прислушиваться к звукам над головой, однако скрип подлого паркета под ее легкими шажками притягивал мысли. И тогда Сколот нашел себе занятие – ваять из воска слепок гребня, рисунок которого он уже сделал. Эта тонкая работа обычно вводила в некий транс, когда теряется ощущение времени и пространства. Он включил настольную лампу, достал из ящика стола заготовленный восковой лист и мощную лупу, однако эскиза там не обнаружил, впрочем, как и специального резца, сделанного на основе электропаяльника. Полагая, что все это он мог впопыхах спрятать где-то в другом месте, бросился на кухню, затем в прихожую и обессиленно сел под вешалкой.

Друзей, которых приводят в дом, Сколот вынужденно не заводил, чужие никогда здесь не появлялись, поэтому тигельную печь, инструменты для литья и оборудование он далеко не прятал, оставлял на кухне, в шкафу, там же держал свои вещества и присадки, рассыпав их в пеналы для специй, а гипс и формовочные добавки к нему и вовсе стояли вместе с цементом и плиточным клеем на балконе – вроде как строительный материал для будущего ремонта. И только активизированное топливо, соларис, на котором он плавил монеты, – гранулы, напоминающие гранитную крошку, – уберегая от солнечного света, хранил в герметичной медной

капсуле, а от постороннего глаза – на видном месте, в прихожей, среди хозяйских баночек с засохшим обувным кремом, щеток и старых башмаков.

Теперь в квартире ничего, касавшегося алхимических опытов, не было. Забрали даже старые аптекарские весы, на которых он отмерял некоторые компоненты.

Самое главное – пропала капсула с соларисом.

Тугой пакет с деньгами, пусть и мелкими, остался где был, ни одна вещь с места не сдвинута, то есть похититель явился сюда, точно зная, за чем и что где находится. Или каким-то образом определил, что следует взять. И все равно случайный, непосвященный человек не сумеет самостоятельно разобраться в технологических тонкостях алхимии, тем более управлять горением топлива, соблюдая определенные температурные режимы. Это было искусство, сравнимое с музыкальным: можно бесконечно сочетать звуки, подбирать тональность, ритмы, но никогда не случится чуда, чарующего слух и душу.

То есть забравшийся в его квартиру похититель должен был сначала отследить весь процесс в самых мелких деталях, а сделать это никто не мог в принципе. Квартирную хозяйку Сколот в расчет не брал, причастность Роксаны сразу же отмел, хотя любопытная соседка была единственной, кто высказывал подозрения в чародействе, и подаренный ей венец мог бы вполне их усилить. Сколот был уверен: ее проницательность – всего лишь элемент игры, ловушка, в которую он уже раз попался. Поэтому почти не сомневался, что все алхимические принадлежности вынесли по заданию Стратига, от которого он когда-то их утаил и привез с собой в Москву. И цель у вершителя судеб состояла не в том, чтобы лишить его забавы; наверняка ему потребовалось активизировать соларис, и только тут выяснилось, что оставленный ему приборчик в виде брелка – бронзовой глазастой совы, подвешенной на кожаном шнурке, не действует. Если похитили вещества посланцы Стратига, то сделали это с единственной целью – изъять некий подлинный активизатор, которого не существовало в природе.

Звонок в дверь показался громким и прозвучал неожиданно, как сигнал тревоги. Сколот встал и на цыпочках приблизился к глазку – на ярко освещенной лестничной площадке стоял Марат Корсаков, как всегда в деловом костюме и с отвлеченно-сосредоточенным видом. Визит обманутого мужа был неожиданным, но предсказуемым: что-то он должен заметить в поведении неверной жены, почти открыто флиртующей с соседом...

Распахнув перед ним дверь, Сколот отступил на шаг, и вовремя – рука соседа просвистела в сантиметре от носа. Корсаков хотел дать пощечину, причем как-то картинно, словно на дуэль вызывал, и пылу хватило лишь на одну попытку. Он предусмотрительно прикрыл за собой дверь, чтоб не слышно было на лестничной площадке, и вдруг заявил:

– Вы изнасиловали мою жену! Вы!.. Вы преступник, насильник!

– Неправда! – обескураженно возразил Сколот. – Никакого насилия не было...

– А что же было? Любовь? Трахались по обоюдному согласию?

Сколот сдернул зачехленную гитару с вешалки – первое, что попало под руку.

– Пошел вон!

Однако сосед по-боксерски выставил плечо вперед.

– Роксана во всем призналась! – Голос у него оказался низким, властным, но слова звучали как-то беспомощно. – Вы позвонили в дверь! Ворвались! И напали! На беззащитную женщину!

– Она не могла сказать такого...

– Я вас посажу! – Марат теперь размахивал телефоном, зажатым в кулаке. – Мы вызвали экспертов. Все следы зафиксированы! Ваша кровь на простыне, синяки у Роксаны. И еще кое-что... Она сопротивлялась! Мы очень легко докажем изнасилование!

В его обвинениях слышалась фальшь – Корсаков вроде бы неистовствовал, но при этом говорил о жене как-то безжалостно, формально, словно о постороннем человеке. Короче, только ветер поднимал, и это встряхнуло Сколота. Он повесил гитару.

– Пусть сама скажет. Зовите Роксану.

– С ней сейчас работает психолог! Я не позволю вам встречаться! Разговаривать будете со мной. Или со следователем!

Сосед вдруг пихнул Сколота плечом, открыл витражную дверь в гостиную, огляделся и сел в кресло, что вообще показалось неуместным. И объяснить это крайней взволнованностью тоже было нельзя – скорее, он предлагал какой-то разговор или, точнее, договор. И вообще все это начинало напоминать шантаж.

Догадка тут же и подтвердилась.

– Если мы дадим ход заявлению, вам грозит реальный срок за преступление против личности. На вас сегодня же наденут наручники!

– Что вы хотите, Марат? – напрямую спросил Сколот.

Рогоносец сделал паузу – умирал гнев, подавлял собственные чувства, которые все-таки присутствовали. И сказал уже другим, деловым тоном:

– Предлагаю вам сотрудничество. Точнее, партнерство.

Его хладнокровное поведение, вернее быстрое преображение, ничего, кроме ехидства, у Сколота не вызывало. Мелькнула даже мысль: уж не вздумал ли он таким образом избавиться от неверной жены?

– И что? Я должен теперь жениться на вашей супруге? – ядовито спросил Сколот.

– Жениться? – будто бы зло изумился сосед. – Нет, за удовольствие нужно платить... Впрочем, могу отдать ее вам – она мне теперь не нужна. Но только после того, как выполните мое условие.

– Деньги? Вам нужны деньги?

– Деньги ничего не стоят. Передадите мне все ваши технологии. – Корсаков достал из кармана пиджака золотой венец, повертел в руках. – Подéлитесь секретами известных вам изобретений и открытий. Меня не интересует, кто вы на самом деле, откуда у вас эти ноу-хау. Впрочем, как и вопросы авторства... Понимаете, о чем я говорю?

У Сколота зазвенело в ушах: перед ним сидел вор, забравшийся прошлой ночью в квартиру. И не случайный домушник! Сначала выкупил квартиру наверху, поселился здесь, чтоб все высмотреть и вынюхать. Потом все устроил так, чтобы жена заманила нижнего соседа и у них завязался скоротечный роман. Да и не жена она вовсе, давно ведь замечал! Скорее напарница, соучастница... А сам этот программист явно имеет отношение к науке! Выбрать из домашней утвари все необычное – химикаты, реактивы, присадки, литейное оборудование – не так и сложно. Не взял, к примеру, соль, соду, начатый мешок с гипсом, точно зная, что это, но утащил пакет с отвердителем, внешне напоминающим крахмал. Иное дело – разобраться потом со всем добром не сумел, потребовались технологическая формула, алхимические секреты.

В общем, Сколот попался как последний изгой...

– Мне нечем делиться с вами, – проговорил он, имея в виду, что все украдено. – Ничего нет, пусто.

Корсаков это понял по-своему.

– Не пытайтесь изображать юродивого менестреля! – надменно заявил перевоплощенный рогоносец. – Не поможет. Вы не тот человек, за кого себя выдаете.

– Вы тоже... – отпарировал Сколот, однако сосед спешил и слушать его не хотел.

– Но подчеркиваю: меня это не интересует! Сейчас вы подписываете обязательства и начинаете сотрудничать. Только в таком случае я не даю ход заявлению.

И тут Сколот узрел, что белый, великоватый нос Марата становится красным, а в глазах накапливаются слезы – должно быть, он и впрямь страдал аллергией, поскольку рядом, на подоконнике за шторой стоял могучий кактус, подаренный Роксаной. Это обстоятельство вдруг пробудило дерзость, которой вначале не хватало. Вдобавок ко всему обманутый муж выхватил носовой платок, громко чихнул – и к дерзости добавился защитный цинизм.

– Будьте здоровы!

– Я хочу услышать ваш ответ! – У Корсакова напрочь заложило нос, и голос утратил надменность. – Времени на размышление у вас нет.

– А если мне сказать нечего? – безвинно спросил Сколот. – Вы меня забодаете рогами? Корсаков вытер слезы, нажал кнопку на телефоне и поднес его к уху.

– Юноша валяет дурака, – сказал он, – и упражняется в остроумии.

Дверь оставалась незапертой, и видимо, за ней уже стояла подмога, потому как двое в гражданском и один в черной униформе с майорскими погончиками через несколько секунд оказались в квартире. Эти не разговаривали, молча и грубо схватили Сколота, завернули руки назад, защелкнули наручники и положили его на пол лицом вниз – он не сопротивлялся.

– Начинайте, – приказал Марат и встал, показывая, кто здесь начальник.

Трое ворвавшихся разбрелись по квартире и, судя по звукам, принялись обыскивать кухню и обе комнаты. Хлопали дверцами шкафов, двигали мебель, звенели посудой и высыпали что-то на пол. Сам аллергик вдруг схватил с подоконника горшок с кактусом, распахнул балконную дверь, но выбрасывать передумал в последний миг. Принес нож с кухни и, преодолевая отвращение, развалил колючую голову надвое, как арбуз, – проверял, что внутри! Потом кое-как вытряхнул из горшка спрессованную землю, разворошил ее руками и ничего не нашел.

– Выбрось эту гадость! – брезгливо сказал майору.

Тот смело взял половинки кактуса голыми руками и ушел на балкон.

Сам обыск и более всего манипуляции с цветком как-то задорно насторожили Сколота: с какой стати они роются в квартире, если уже всё вынесли? Чего им еще надо? Гражданские помощники и вовсе взялись простукивать старый паркет и стены, то есть искать тайники, которых нет, и если Корсаков за несколько месяцев жизни по соседству выведал, где что лежит, то об этом должен знать...

Майор вернулся с балкона с мешком гипса и торжественно поставил его на письменный стол:

– Полюбуйтесь, товарищ подполковник. Не это ищете?

Оказывается, скромный программист был еще и подполковником!

– Что там? – спросил Корсаков, заглядывая в мешок.

– Порошкообразный материал сероватого цвета. И там еще цемент стоит, нераспакованный!

Корсаков взял щепотку порошка, потер между пальцами.

– Гипс, – сразу определил он. – Обыкновенный гипс...

Когда гражданские содрали линолеум на кухне и со скрипом вырвали шербатый паркет, прибитый гвоздями, Сколот не выдержал:

– Сказали бы хоть, что ищете! – Он перевернулся на бок. – Вы так всю квартиру разнесете...

Аллергик уже терял чувство уверенности, подчеркнутую вежливость и нервничал – теперь не от заложенного носа и слёз.

– Разнесем, – гундосо пообещал он и присел на корточки. – Где твоя алхимия? Хватит придуриваться, музыкант!

Что за соседи поселились наверху, следовало бы догадаться, когда восторженная Роксана явилась к нему с цветущим кактусом. Так нет – расслабился, купился на ее завлекающий шепоток и изумрудные глаза ящерицы...

Но кто забрал все вещества, если не Корсаков?!..

– У вас с головой все в порядке? – Сколот сел на полу и оказался с ним нос к носу. – Помоему, вы бредите. Разве алхимики бывают?

– Бывают! И весьма успешные. – Он опять вынул гребень. – Вот образец, узнаешь? Что это?

– Расческа... А я думал, про них только в книжках пишут, про алхимиков!

– Артист! – зло восхитился Корсаков и, выпрямившись, высморкался. – Ты, похоже, чего-то не понимаешь или прикидываешься. Ты сейчас под тяжелой статьей. Минимум десять лет тюрьмы!

– Я не насиловал вашу жену.

– А что делал?! Расчесывал ей волосы? Вот этим гребнем?

Сколот тоже встал на ноги.

– Волосы расчесывал...

– Китайскую безделушку купил в киоске? – Корсаков поднес венец к его лицу.

– Нет, не в киоске.

– Где же их продают? В ювелирном бутике?

– Опять не угадали, – усмехнулся Сколот. – В подземном переходе, черные копатели.

Рогоносец боднул головой воздух – почуял удачу.

– Черные копатели? А они где их добывают?

– В сарматских курганах, из захоронений.

– Версия неплохая, – оценил Корсаков. – Сочиняешь ты толково, я песни слушал. – И не спеша достал из визитного кармана пакетик с монетой, вывесил перед глазами Сколота – там был современный полтинник. Наверное, один из тех, золотых, запущенных в оборот, чтоб бросить вызов. – И это из курганов?.. А золото идентично с гребенкой. Которой ты... чесал волосы.

Самодетельность и баловство вылезали боком...

– Обращайтесь к нумизматам, – посоветовал Сколот. – Я тут не специалист.

– Понятно! Ты спец, когда химишишь на своей кухне и по вытяжной трубе идет чистый кислород... Не хочешь договариваться? Связан клятвой, да?.. Это ты сейчас не хочешь. Но сядешь на нары и завоюешь. Все десять лет буду выматывать из тебя кишки. По сантиметру. Не хватит срока – добавим. И ты вспомнишь вот это мгновение, когда тебе предлагали мирно и даже взаимовыгодно решить вопрос.

Пожалуй, он не угрожал и не бахвалился своими возможностями, впору было думать, как выйти из ситуации, но Корсаков внезапно стал чихать, раз за разом, сдул ощущение опасности и испортил суровость момента.

– Переносицу потрите, – язвительно посоветовал Сколот. – Говорят, помогает...

Аллергик зажал лицо платком и спешно удалился в ванную.

Между тем его помощники профессионально обыскали всю квартиру и теперь бродили, обескураженно переставляя вещи во второй раз. С кухни на письменный стол они стащили все, что вызывало подозрение, в том числе горчичный порошок, детскую присыпку, о существовании которой в квартире Сколот даже не подозревал, и баночки с сухим от старости сапожным кремом – покойный муж хозяйки служил прапорщиком в армии.

Корсаков все еще чихал в ванной, когда в квартиру неожиданно позвонили. Сыщики недоуменно переглянулись. Дать команду было некому, поэтому один в гражданском на цыпочках подошел к двери, посмотрел в глазок и вернулся.

– Пальцем закрыли, ничего не видать.

Стало понятно, что обыск они делают втайне и не хотят огласки. А кто-то все давил и давил на звонок, потом начал стучать, но начальник еще чихал и ничего не слышал.

– Это ко мне, гости! – наугад и громко сказал Сколот. – Они знают, что я дома. Конспирации у вас не получится!

– Может, впустим? – скромно, как самый младший, предложил майор. – Посмотрим, что за гости.

Гражданские согласились, однако закрыли майора с задержанным в гостиной, сами ушли в прихожую. Слышно было – щелкнул замок, возникла странная безмолвная пауза, после чего

дверь захлопнулась и в коридоре застучали каблучки. Майор выглянул и тотчас отшатнулся. В гостиную вбежала Роксана, в том же легкомысленном халатике, с распущенными волосами, почти такая же, какой запомнилась Сколоту, однако в туфлях на высоком каблуке.

– Алеша! – воскликнула она, в один миг повисла у него на шее и зашептала в самое ухо: – Прости меня, мой прекрасный гой! Теперь я все поняла! И хочу, чтобы ты расчесал мои волосы! Как в первый раз! Пойдем со мной!..

Он попытался стряхнуть ее, отстраниться, в тот же миг узрев подлый, предательский замысел. Майор стоял в стороне и тарасился на них с открытым ртом, а сыщики почему-то не появлялись – должно быть, таились в коридоре, наблюдая за его реакцией. Тут все было продумано!

– Ты на меня рассердился? – горестно устрашилась Роксана и на мгновение отпрянула. – Не хочешь даже обнять, прикоснуться к моим космам?.. Я же была слепая! Повиновалась страсти!..

– Я бы тебя расчесал, – Сколот начал выворачиваться из объятий, – да руки заняты!

Хозяйские портняжки ножницы висели над швейной машинкой в углу: эх, дотянуться бы и остричь, как он стриг проституток на панели, – не достойна носить космы!..

Ему удалось на секунду освободиться, но в этот миг Роксана упала на колени, обняла его за ноги и вскинула голову. Только сейчас Сколот заметил ее неестественную бледность и зачарованный, блуждающий взгляд лунатика.

– Это что такое? – прогундосил Корсаков, появляясь из ванной. – Что здесь происходит?..

– Он хочет посадить тебя в тюрьму, Алеша! – словно очнувшись, вспомнила Роксана. – Будто ты изнасиловал меня... Это же неправда! Я сама этого захотела! Я все сама!.. Он мне не муж вовсе! Хотя клянется, что любит... Он мой начальник!.. А я – секретный агент. Мы вместе проводили операцию!

У Корсакова красный нос начал белеть и высохли водянистые глаза. Кажется, это были секунды шока.

– Что это с ней? – неизвестно у кого спросил он и повертел головой.

– Не знаю, – выдохнул майор.

В следующий момент начальник спохватился:

– Почему она здесь?! – У него даже нос пробило. – Кто впустил? Уберите ее немедленно! Заткните рот!

Но сам не подходил, а заторможенный майор все еще растерянно пялился и отчего-то сильно потел.

– Только посмейте тронуть! – угрожающе заговорила Роксана. – Ты меня слышишь, Корсаков? Я скажу в суде! Всё скажу! Это провокация! Это ты придумал со своими начальниками! Чтобы Алеша вступил со мной в сексуальную связь, а ты мог объявить об изнасиловании!..

– Роксана! Ты с ума сошла!..

– Отдай мой венец! – потребовала она. – Алеша, Корсаков его забрал. Отнял!.. Твой подарок... Я тебе все расскажу! Мы жили здесь под прикрытием, как супруги, чтоб следить за тобой. У меня даже имя другое – Юля. Роксана – это псевдоним. Сама придумала, чтоб тебе понравиться... А он сказал назваться Белой Ящерицей! Ты же искал Белую Ящерицу?

– Закрой рот! – зарычал Корсаков, однако оставался отчего-то беспомощным. – Да я тебя сейчас!..

Роксана в ответ засмеялась сквозь слезы, безумно шаря вокруг затравленным взором.

– Корсаков мне не муж! Но он меня любит... Сначала ухаживал, соблазнял, обещал, будем жить на берегу моря или в горах... потом стал приставать ко мне! Приходил в спальню голым!.. Каждую ночь я сначала отбивалась! – Она внезапно рассмеялась. – А потом спасалась тем, что расставляла кактусы вокруг кровати...

– Майор, уведите женщину! – приказал Корсаков. – Выполняйте свою работу!

– Попробую ее разговорить, – предложил тот. – Очень аккуратно...

– Заткни ей рот! И оттащи в квартиру! Где оперативники?

– Не знаю. – Майор схватил Роксану поперек туловища, буквально оторвал от Сколота и понес в коридор.

– Я люблю тебя! – успела прокричать она. – Я найду тебя, Алеша!..

Потом послышались пронзительный и болезненный крик отчаяния, какая-то возня и ругань майора, после чего все звуки переместились на гулкую лестничную площадку. В это время откуда-то прибежали сыщики в гражданском.

– Где вас носит? – зарычал Корсаков.

– Мы искали психолога! – возбужденно сообщил один.

– Психолог должен был работать с потерпевшей в квартире! Я же приказал!

– Она и работала, – встрял другой. – Мы их оставили наедине...

– Кто – она? – Начальника эта бестолковщина уже бесила. – С кем оставили?

– Она – женщина, психолог! Вы сами приказали поставить мозги, чтоб правильно отвечала...

– Откуда этот психолог? С улицы, что ли?

– Взяли по рекомендации Церковера. Очень опытный, уникальный специалист... Вернее, опытная...

– Тогда почему Роксана оказалась здесь?! И без мозгов?! Что с ней произошло?

Сыщики переглянулись.

– Да мы и сами не поняли...

– Тащите сюда этого уникального!

Они дернулись было к дверям, но один вспомнил:

– Она исчезла на лестнице! Поднялась на этаж и испарилась.

– Кто испарился?

– Психолог! Она ходит, как китайская девочка. Ногами семенит, а не догонишь!

– Она что, китаянка?

– Нет, вроде русская. – Оперативник заговорил со знанием дела: – Ножки как у китаянки, маленькие. Раньше их с детства заковывали в деревянные башмаки. И нога не вырастала. У китайцев мода была такая, на женщин с маленькой ножкой. Восток – дело тонкое...

В это время вернулся майор с расцарапанным лицом и кровью на губах.

– Чуть рот не порвала! – пожаловался он.

– Так тебе и надо! – рыкнул Корсаков.

– Между прочим, я бы смог найти с ней контакт без грубостей. Это моя профессия. Вы не даете мне работать...

– Представляете, на таких ножках, а бегаёт! – не унимался опер. – По лестнице так пролетела – догнать не мог...

Корсаков схватился за голову, но тут же выправил ситуацию.

– Я с вами потом разберусь! – только пригрозил он. – Машину к самому подъезду! Грузите задержанного! И чтоб никто не видел!.. А ты, майор, галопом по лестницам, этажам и подъездам. Ищи психолога! – Сам же поспешно ушел, зажимая нос платком.

Сыщики схватили Сколота под руки и поволокли к выходу. На лестничной площадке один прижал его к стене выпуклым животом, а другой побежал на улицу – должно быть, подгонять машину.

И в это время Сколот увидел женщину. Ту самую, что приходила к нему на точку с чужим серебряным гребнем. Она открыто стояла у входной двери и уже знакомо снисходительно улыбалась.

– Подойди ко мне, Боян, – как-то нехотя позвала она.

Сыщик тоже ее услышал, завертел головой, высматривая что-то вверху лестницы, и на секунду ослабил напор своего живота. Сколот выскользнул из-под него и спустился по ступеням.

– Я тебя предупреждала: не ходи домой. Ничего уже не видишь и не слышишь, лишенец, – отчитала его женщина.

– Думал, почудилось, – признался он, испытал радость от того, что назвали лишенцем: хоть здесь не ошибся!

– Ладно, ступай за мной. – Она толкнула дверь подъезда. – Только не отставай, не озирайся и смотри мне в затылок.

И робким, коротким шажком засеменила на улицу. На ее затылке серебрился венец...

4

Марат Корсаков был одним из тех немногих людей, кому удавалось обманывать полиграф.

Он никогда специально не готовился к такому испытанию, ибо проверки всегда происходили спонтанно, чаще в самый неподходящий момент – например, когда тебя погладили против шерсти. Спасти от них никто не мог, даже высокопоставленный шеф, к тому же вопросы всякий раз менялись или корректировались – в первый миг и не сообразишь, что минутой раньше ты уже отвечал на то же самое, но вывернутое наизнанку. И определенного тренинга, дабы постоянно держать себя в форме, контролировать пульс, давление и прочие предательские свойства организма, тоже не было.

Впервые он открыл в себе эти тайные качества, когда шеф возглавил атомную энергетику страны и против воли Корсакова оставил его начальником личной охраны. А он уже давно тяготился этой службой, поскольку сразу же после окончания Высшей школы КГБ, тогда еще юношески, мечтал об оперативной работе контрразведчика и основательно к ней готовился. Он чувствовал в себе талант аналитика, способности планировать и проводить многоходовые операции, обладал тонкой, на грани провидения, интуицией, и все это опять оказывалось невоспребованным.

Тогда Марат и ощутил первый толчок осознанной ненависти к шефу, а вернее, пришло ясное понимание, что он уже давно живет с этим чувством и ничего с собой поделать не может. Вопрос был поставлен ребром: или тебя выводят за штат с последующим увольнением, или иди и служи там, куда приставили. Если бы в тот момент Сторчак пошел ему навстречу и отпустил с миром на оперативный простор, возможно Марат остыл бы к нему и вспоминал бывшего шефа, как вспоминают жену после развода. Но тот настоял, чтоб не меняли начальника охраны, де-мол, никому другому не доверяю, а этот уже испытанный, надежный кадр, готовый подставиться под пулю.

Однако на самом деле все было не так. Смотрящий не случайно носил свое прозвище и видел состояние подчиненного лучше детектора лжи. Кроме того, он был незаурядной, сильной личностью, обладал командным воинским духом, ни при каких обстоятельствах не сдавался и не подставлял под удар своих; напротив, мог идти до конца, и чем сильнее ему оказывали сопротивление, тем жестче и решительней становился. У шефа было чему поучиться и чему подражать, но при всем том он оставался чужим, даже в команде, за которую играл. Это было невероятное сочетание психологических векторов, все время создавалось впечатление, что есть два Сторчака: один, реальный, здесь, а его двойник там, за некой условной чертой, как тень, которая соприкасается со своим отражением лишь ступнями.

Вот эту его тень Марат и ненавидел. А ее, бесплотную, всегда скользящую самостоятельно рядом, и любить-то не за что было. Она сама, эта тень, всегда презрительно улыбалась и ненавидела все, что ее окружало, одновременно распыляя, как заразу, то же чувство. Если бы Корсаков был религиозным, он мог бы сказать, что отбрасываемое им отражение есть не что иное, как дьявол, шествующий всюду, где появляется реальная составляющая шефа. Но Марат был далек от всякой веры, возможно потому и обманывал полиграф, ибо, отвечая на хитромудрые вопросы, попросту забывал об отраженной сути Сторчака, и если бы и впрямь пришлось подставиться под пулю, закрыл бы собой ту его половину, которая имела плоть.

Долгая работа в личной охране начала перестраивать психическую природу Корсакова, и он физически ощущал, как теряет свои природные качества, талант и сам, помимо воли, становится второй тенью шефа. В этом и заключался внутренний протест, спрятать который оказалось невозможно, и потому Сторчак почуял его отношение, однако это не помешало ему приказать начальнику охраны имитировать покушение. Дескать, покажи свои оперативные

способности, а я посмотрю и оценю. Задавать лишних вопросов на службе не полагалось, но никто не запрещал задавать их себе. Например, зачем это шефу нужно? Ответ напрашивался сам собой, Сторчак словно провоцировал его: сам привез уже готовый заряд с радиоуправляемым взрывателем и левый, с не пробитыми на заводе номерами, автомат с боеприпасами. Все остальное – место теракта, время и последовательность действий – для правдоподобности Корсаков должен был выбрать и определить сам, не извещая об этом шефа. То есть нападение на Сторчака и двух его телохранителей, всегда бывших рядом, должно было стать неожиданным – он якобы не хотел раскрываться и слагать легенды, доверившись одному лишь начальнику охраны.

Но Корсаков почуял подвох: во-первых, его могли устранить как исполнителя и единственного свидетеля имитации. Во-вторых, и это скорее всего, Смотрящий вздумал таким образом избавиться от него как от своей второй тени, поскольку за шестнадцать лет в должности начальника охраны он слишком много знал, зримо или незримо присутствуя на всех встречах, явных и тайных, возил и передавал по указанным адресам картонные коробки с долларами, доставлял совсем юных девушек в элитные бани – как и иным реформаторам, ничто человеческое Сторчаку было не чуждо.

И появился великий соблазн рвануть шефа по-настоящему.

Обследование профессионально изготовленного фугаса ничего не дало – у кого-нибудь еще могла быть вторая кнопка, которую нажмут, например, во время установки заряда на обочине или в любой другой удобный момент. Пока бомба лежала в машине, Марат пережил то, что, пожалуй, переживает только приговоренный к казни на гильотине – неизвестно, когда палач дернет рычаг и сверху прилетит лезвие ножа. Он сразу же поехал за город, надеясь, что посреди улицы его взрывать не станут, и, как когда-то толчок ненависти к шефу, впервые ощутил отчетливую потребность найти защиту неких высших, справедливых сил. Он не мог еще назвать эти силы божественными, а свое желание – желанием молитвы, но вдруг возникающая страсть, единожды ожегшая его, уже не гасла и распалялась до такой степени, что горела в горле и до выбранного места теракта Корсаков не дотянул – не выдержали нервы.

Он схватил фугас в пластиковом пакете, выбежал из машины и заметался в поисках места, куда бы его выбросить. Случись это полчаса назад, он бы не задумываясь швырнул фугас на обочину, однако жгучая страсть словно затуманила ему голову – кругом были люди! Прежде Корсаков видел в них лишь потенциальных злоумышленников, тут же взгляд словно спотыкался о прохожих, в мозгу рисовалась картинка взрыва и крови, заставляя бежать дальше. Наконец он оказался возле какого-то глухого забора, где стоял битый и врастающий в землю жигуленок. Оглядевшись, Корсаков засунул пакет в черный от копоти салон, запомнил адрес дома неподалеку и уже на обратном пути ощутил, как вместо жжения грудь и позвоночник заполняет щемящая, сладострастная боль.

И в тот же миг появилось застарелое, тщательно скрываемое от самого себя желание уехать на берег моря. Прямо сейчас, внезапно, разве что заскочить в квартиру за иностранным паспортом. Еще десять лет назад с помощью Сторчака и на подставное лицо, чтобы не бросать тень на шефа, Марат купил в Болгарии два домика: один на побережье, в Балчике, другой в горах, близ местечка Трявна, – недвижимость тогда стоила недорого. Образ жизни шефа и служба не позволяли наезжать туда чаще, чем раз-два в год, да и то на неделю, так что он вспоминал потом море и свой Белый домик в Балчике как сон, особенно когда испытывал разочарование и отчаяние. Еще недавно чужой, слишком вычурный, стилизованный под маленькую древнегреческую виллу, домик как-то быстро связался с самыми лучшими мгновениями жизни, казался невероятно уютным, желанным и райским, как мечта. За собственностью там присматривал управляющий, отставной капитан Симаченко, бывший подчиненный, человек одинокий, на гражданке оказавшийся бестолковым, однако в такие минуты Корсаков ему завидовал.

В своем автомобиле Марат отдышался, окончательно пришел в себя и вдруг с волчьей, воющей тоской подумал, что вот так, спонтанно, не уехать ни на море, ни в горы. Это будет воспринято шефом как трусость и побег, а Болгария – не та страна, где можно скрыться от Смотрящего и жить беззаботно. Закладывать и взрывать заряд все равно придется – на самом деле или понарошку, но придется, и это значит, что надо вернуться, взять бомбу и везти ее к месту теракта...

Сделать это сразу он все-таки не решился, а сначала долго мотался по прилегающему району, отслеживая, нет ли «хвоста», какого-нибудь совершенно непосвященного человека, которому дали брелок с кнопкой. И тут ему на глаза попался храм, угнездившийся среди жилых домов. Корсаков остановил машину, долго смотрел на старинные церковные двери и, повинувшись порыву, в них вошел. Молиться он не хотел, да и не умел – просто постоял, поозирался, глядя на слепающую позолоту икон, и может быть, созрел бы, чтоб поставить свечу, однако от специфического запаха у него заложило нос и стала назревать чихота. Он давно страдал от аллергии на домашние растения и никогда не думал, что приступ может одолеть его в храме, где таковых не было. На ходу доставая платок, Корсаков устремился к выходу и тут чихнул.

«Будьте здоровы!» – весело сказала ему тетушка, торговавшая свечками.

На улице полегчало и вместе с дыханием через нос Марат обрел уверенность, что с ним ничего не случится. Видимо, от напряжения сдают нервы, разыгрывается фантазия, появляется мнительность. Если б Сторчак захотел его убрать, мог бы давно сделать это иным способом и не возиться с бомбой, устраивая представление.

Еще через четверть часа, подъехав к месту, где оставил фугас, Марат уже смело достал пакет из ржавой машины, положил в свой багажник и, выставив мигалку, помчался за город. Время поджимало, шеф мог уехать домой и раньше срока, что он делал довольно часто на новом месте работы, и если бы понадобилось угробить его наверняка, то устанавливать бомбу следовало поближе к даче, где кругом сосновый бор, малоллюдно и тихо. Но требовалось побольше шума и свидетелей, потому Корсаков установил заряд почти у свертка с трассы, а сам засел на опушке леса.

В тот момент в душе у него прежние чувства не потухли, а словно пригасли, причем все одновременно – ненависть к Смотрящему, собственные подозрения, сомнения относительно своей безопасности. Так бывает, когда с яркого солнца войдешь в помещение, где в первые минуты, кажется, так сумеречно, что идти приходится на ощупь. С этим ощущением он приготовился только выполнить поставленную задачу и более ничего, но пошел дождь – сначала мелкий и теплый, потом с запада навалилась туча с холодным ветром, и скоро спина промокла насквозь. Уберегая от влаги документы и брелок, Корсаков завернул их в снятый галстук и спрятал в карман рубашки. Дождь, конечно, был даже на руку, поскольку уходить в такую погоду с места «преступления» легче: в воздухе стоит водяная пыль, окна проезжающих машин залиты, ничего не видеть, звуки неясные и собаки след не возьмут. Автомобиль он оставил в полукилометре, на трассе, где почти вплотную подступает лес, – перескочи полосу отчуждения, и ты уже под крышей и на колесах.

Корсаков еще ждал – вот-вот заряд пронесет, выйдет вечернее солнце, да и время возвращения шефа уже подошло; однако туча закрыла все небо, ударил ливень с ветром, и вместе с ознобом, мелкой дрожью он ощутил, как возвращаются прежние чувства. Через двадцать минут его уже колотило, автомат в руках ходил ходуном, а «мерседеса» Сторчака все не было. Корсаков пытался спрятаться за деревца, приседал, чтоб согреться, и еще гнал от себя злобные мысли, хотя уже чувствовал – не появится шеф через десять минут, он рискнет выйти на пустынную дорогу и переставить бомбу с обочины поближе к проезжей части.

По видимой из засады трассе изредка проносились машины с мигалками, заставляя каждый раз напрягаться, – и все мимо. Уже не отдавая себе отчета, только повинувшись неким внутренним позывам – точно таким же, с которыми он входил в храм, – Марат вышел из укрытия и

перенес фугас вплотную к асфальту. И ничто в нем не ужаснулось, не закричало, не призвало к разуму, ибо в тот миг он видел лишь дьявольскую тень шефа. Место засады он, вдруг усомнившись, пробьет ли автоматная пуля бронированные стекла и дверцы с дальнего расстояния, тоже сменил, чтобы бить почти в упор и наверняка.

Угробив шефа, Марат автоматически лишился работы – вряд ли оставят на службе после взрыва, – однако в ту минуту это не заботило его вовсе. Вся последующая жизнь выстраивалась сама собой – как казалось, в лучшем, давно ожидаемом виде – и имела заманчивый, желанный вкус, только надо было пройти нулевую отметку: нажать на кнопку и сделать несколько очередей в упор из автомата для верности. В тот миг он ощущал себя выразителем не только личной ненависти к Сторчаку, а всенародного, долготерпеливого гнева, и это наполняло его судейской решимостью покарать зло. Он отлично знал, как работает розыскная машина государства, и был уверен, что никто и никогда его даже не заподозрит в этом теракте. Родная служба, прокуратура и МВД будут искать исполнителя среди ярых, открытых ненавистников, благо что таких, кто хотел бы взорвать и расстрелять Смотрящего, наберется больше, чем полстраны. Иное дело – ни у кого из этого ропщущего большинства не хватало мужества и решимости.

И еще он знал, что даже те, кого заставят расследовать этот теракт и ловить преступника, на самом деле никого искать не станут даже из карьерных соображений, ибо у законников по отношению к Сторчаку чувства обострены еще сильнее, чем у простого обывателя. Сделают вид, будто ищут, возможно даже арестуют кого-нибудь, ну еще журналисты погадают на кофейной гуще версий, и все уйдет в историю – с безымянным героем. После разборок и увольнения придется выждать некоторое время, а потом наконец-то можно будет уехать в Болгарию, на берег теплого моря, куда Корсакова тянуло всю жизнь...

Сторчак должен был погибнуть. Он тоже рассчитывал обмануть свой полиграф и не отпустил Корсакова с миром. И сейчас сам заказал себе смерть, ибо его машина появилась у свертка, как только Корсаков закончил все приготовления. «Мерседес» выключил мигалку и съехал с трассы. Тяжелый, он не успел разогнаться, двигался сквозь дождь, как катафалк, и неотвратно приближался к фугасу.

Кнопка брелка утонула под пальцем за мгновение до того, как капот почти поравнялся с зарядом. Взрыв прозвучал коротко и глухо, смятый ливнем, однако левое переднее колесо взлетело в воздух, запрыгало, словно футбольный мяч, машину бросило вправо – и все-таки она удержалась на обочине. Марат ожидал большего эффекта и понял, что поспешил на долю секунды! Помешала буря ненависти выждать еще один миг, и тогда бы вся сила заряда ушла в салон через незащищенную переборку между двигателем и кабиной.

«Мерседес» даже не опрокинулся, чтобы подставить уязвимую часть брюха под очередь...

Корсаков, выждав пять секунд, вскинул автомат. И тут подвела знобливая дрожь в руках: первая очередь лишь зацепила капот и ушла по асфальту, от второй, прицельной, побелели тонированные боковые стекла. Явно пробоины навывлет...

По правилам телохранители обязаны были выскочить и открыть ответный огонь, но из машины никто не появлялся – значит, всех наповал...

Последней длинной очередью в упор Корсаков разукрасил лобовое стекло, после чего повесил автомат на сук березы и сразу же взял спринтерский темп, чтоб разогреть кровь в остуженном теле.

Он мчался лесом вдоль трассы, чувствуя, как толчки тепла от сердца достают все конечности и наполняют тело пружинистой, молодой силой. И это было, пожалуй, самое приятное светящееся тепло, которое он испытывал лишь у моря, на горячем песке, ибо оно выдавило, вытеснило из души многолетний сумрак и холод ненависти, чего не могло произойти даже в храме. В эти минуты он ни о чем думать не мог, в том числе о последствиях, не включались ни фантазия, ни тем паче аналитическое мышление; сознание казалось чистым и первозданным,

как не тронутый ногой черноморский пляж. И только когда оказался за рулем в потоке машин, перед глазами начало рябить и мельтешить, как в телевизоре, если пропадает сигнал вещания. Сначала Корсаков решил, что это дождь, грязная вода с дороги, плещущая из-под чужих колес, и только потом явственно увидел картинку – наверное, ту же самую, что в последние мгновения жизни видел Сторчак, – голубоватые разводы на лобовом стекле, напоминающие распустившиеся белые астры. Теперь стреляли по его машине!

Видение длилось несколько секунд, однако Корсаков резко затормозил, съехал на мокрую обочину. Нет, не стреляют, всё в порядке, и щетки «дворников» успевают обметать пространство, сквозь которое зрима перегруженная дорога...

В это время у него зазвонил телефон – на звонки шефа стояла особая мелодия. Он осторожно поднес трубку к уху и услышал сначала скелетный скрип, зубовный скрежет, шипенье и треск огня. Сквозь эти адские шумы раздался голос – гулкий, как из колодца.

– Меня пытались взорвать и обстреляли, – доложил Сторчак. – Но все обошлось...

Он говорил, как из преисподней!

– Вы где? – машинально спросил Марат.

– На повороте...

Связь прервалась, и опять поплыли перед глазами извилистые сполохи...

– Дьявол! – вслух произнес Марат, еще не выключив телефон.

* * *

Когда гений в наручниках выскользнул из хватки охранников и исчез на лестнице, Корсаков лично сначала обежал весь подъезд до самого верха, поскольку сыщик уверял, что слышал чей-то голос и топот на втором этаже, потом проверил чердак, двор и улицу в обе стороны, но беглеца не обнаружил. И не стал даже напрягать милицмейское начальство, чтобы потребовать объявления плана «Перехват» и прочих мероприятий, зная о бесполезности каких-либо действий. Он чуял позыв дать в рожу сыщику, проворонившему Алхимику – под таким псевдонимом проходил гений, – но воспитывать подчиненных во время негласной операции, да еще в подъезде, где и так из-за дверей выглядывали соседи, было бы неуместно.

Как только он подумал, что придется докладывать шефу, у него опять заребило в глазах.

Семь месяцев работы – четыре потрачены на поиск и три прошли уже в непосредственном контакте с объектом, за ежедневным наблюдением и оперативной разработкой, – оказались напрасными. Оставалась надежда, что личная разведслужба Церковера тайно контролировала последний этап операции и «приняла» бежавшего Алхимику вместе с этой уникальной психологиней. Марат был уверен: ее начальник Филин не мог оставить такую операцию без внешнего надзора и прикрытия. Бывший генерал ГРУ был профессионалом высшего класса, вызывал затаенную зависть, но Корсакова к себе не подпускал, никогда не делился секретами мастерства, и хуже того – будто бы не замечал, хотя в общем-то делали одно и то же дело.

Впрочем, такой оборот был невыгоден для Марата, но уповать уже было больше не на что. Он все время подозревал, а иногда чуял близкое присутствие людей Филина, незримо идущих где-то рядом, как в параллельном мире. Это угнетало, вселяло чувство неполноценности и, напротив, высвечивало недоверие руководства к его работе. Привыкший к подпольной своей деятельности, Оскол конспирировался, даже когда этого не требовалось, доверял только своим разведчикам и аналитикам, говорил ровно столько, сколько надо было для выполнения задачи, и вообще не впускал в свои секретные закрома, а они, по слухам, стояли где-то в непомерных и неисследованных объемах. В девяностых годах он через своих людей, в том числе через Сторчака, попросту скупал или за так добывал на свалках архивы самых разных предприятий, от малозначащих НИИ до оборонных заводов и упраздняемых главков министерств. Доступ к этим архивам имели только сотрудники аналитической группы – некие серые, похожие на

Филина, однако продвинутые личности, умеющие держать язык за зубами, но и их, особо доверенных, насчитывалось человек пять. Остальные занимались наукой, используя дозированные материалы, добываемые аналитиками.

После того как Сторчак назначил Корсакова начальником отдела специсследований – иначе сказать, поручил заниматься разведкой и сыском, – казалось, перед ним сейчас распахнутся все тайные двери бывшего НИИ зернобобовых. Иначе он и не представлял, как можно изучать проблему и собирать информацию, не пользуясь первоисточниками. Однако был сразу же поставлен на место, не получив пропуска в зону Д, где царствовал Филин со своей службой и где Оскол прятал свои секреты. Поэтому Марат вынужден был заниматься унизительной бюрократией: писал аналитикам заявки, которые рассматривались руководством, визировались и только потом ими исполнялись.

Четыре месяца Корсаков переписывался с серыми личностями из запретной зоны, хотя сидели они в одном здании, и по зернышку выуживал все, что могло бы вывести на след неведомого тогда, непризнанного и загадочного гения, придумавшего некое топливо.

А началось все с золотой пятидесятикопеечной монеты, которую не могли бы обнаружить ни нумизматы-специалисты, ни состоятельные люди, поскольку современный полтинник за деньги не считали и им не пользовались – банк России выпускал эту монету исключительно для бедных. Так вот, удача улыбнулась подслеповатой бабушке-пенсионерке. Ей однажды дали сдачу в булочной, где она покупала сайки. Тут же, возле палатки, счастливица стала пересчитывать мелочь, а поскольку от старости пальчики были слабенькими, руки – трясущимися, она легко улавливала вес каждой монетки, и эта невзначай выскользнула между пальцев и упала в грязь. Старушка кое-как нагнулась, подняла и опять стала считать, но этот полтинник снова вывалился. Она посетовала на свой возраст – мол, уже и деньги в руках не держатся, – склонилась в другой раз, достала и тут почувствовала, что весит он, пожалуй, как четыре монеты. Придя домой, бабушка надела очки, тщательно осмотрела всю сдачу – нет, полтинник такой же, как все, а тяжелей пятирублевика. Ну и показала денежку соседу, человеку солидному и опытному. Тот сразу уловил разницу, не поленился и пошел в банк, где сразу же установили, что полтинник из золота самой высокой пробы, удивились, конечно, и попытались выкупить по весу, как лом. Сосед догадался о реальной его стоимости, не согласился и поехал в клуб нумизматов. Там монету проверили по всем каталогам, убедились, что золотых полтинников в стране никогда не чеканили, тут же нашли покупателя, который собирал подобные редкости, и сосед принес бабушке десять тысяч рублей двумя бумажками. За сколько на самом деле продал, осталось тайной.

Коллекционер же изучил монету под электронным микроскопом, установил, что она не отчеканена, а отлита по примитивной технологии, но мастерски, причем из золота, которого в природе не существует. Дабы перепродать подороже, он написал статью и поместил фотографии в Интернете.

Корсаков со своими сыщиками ни золотом, ни монетами не занимался, а искал иголку в стогу сена, наугад собирая факты всего необычного, и это было лишь одно из направлений специальных исследований. Золото неземного происхождения (так было заявлено в статье), да еще фальшивый полтинник сразу же привлекли внимание, и брошенный Алхимиком вызов наконец-то был принят. После повторного исследования аналитической группой Осколкова Корсаков выкупил монету аж за семь тысяч евро, затем от нее отрубили частичку и провели спектральный анализ, который и доказал ее странную, неведомую для золота, порошкообразную структуру. То есть драгоценный металл оказался искусственным, полученным настоящим алхимическим способом, что в общем-то и являлось неизвестной нанотехнологией. О топливе пока и речь не шла. Но логика была проста: кто владеет таким искусством, тот вполне может быть причастным и к другим таинственным открытиям.

Как только существование Алхимика было установлено, Корсаков со своей группой принялся отрабатывать версии и направления поиска самого гения, но, отягощенный стереотипом мышления, опоздал на несколько дней: предприимчивые нумизматы уже объявили в Интернете награду в тысячу евро тому, кто принесет золотой современный полтинник. Пришлось исправлять свой промах, обставлять коллекционеров агентурой и вербовать доверенных лиц из их среды.

И монеты понесли! Занимались розыском диковин не банковские служащие – в основном подростки, студенты, торгаши и старики, которые тащили не только деньги, но и всякую всячину. Тысячи школьников носились по Москве, всюду выменивая полтинники, которые сразу же поднялись в цене. И мало того, было выявлено несколько фальшивых, грубовато отчеканенных из золота 585-й пробы – чуткий рынок уже откликнулся на конъюнктуру.

Таким образом было найдено еще два настоящих, а счастливицы – мальчишка и юная кассирша – тщательно допрошены. Первую монету бабушке дали в булочной на Садовой-Кудринской, вторая и третья были обнаружены в Ясенева и на станции метро «Баррикадная». То есть две оказывались, по сути, из одного места! Это уже было кое-что, еще бы одну – и можно все внимание сосредоточить на Пресненском районе.

Но прошел месяц, и, видимо, интерес к старательству среди населения резко упал как бесперспективный, попытки вновь пробудить ажиотаж через Интернет успеха не приносили. Работать же в банках, где монеты уже обезличены, не имело смысла, да и такую мелочь редко сдавали – больше всего она таскалась по карманам детей и бедноты. Корсаков лихорадочно искал новые способы выявления Алхимика и чувствовал, что не догоняет, ничего оригинального в голову не приходит, а перед глазами рябит, когда докладывает Сторчаку о проделанной работе.

И тут опять помог случай: в одну из ювелирных мастерских обратилась девушка с просьбой установить, из какого материала изготовлена на вид старинная, высокой художественной работы женская гребенка. Там провели экспертизу и установили – серебряная, но отчего-то покрытая сверху монетным никелем. Агентурная информация пришла через третьи руки, и именно этот камуфляж насторожил, ибо золотые полтинники Алхимик тоже прятал под том-пак. Мастерскую разыскали, довольно легко установили заказчицу, но она сначала наотрез отказалась гребенку продавать. И пришлось запускать к ней самого Церковера. Тайну сделки он не раскрывал, однако гребенку заполучил, а его аналитики по-варварски отрезали часть одного зубчика, провели исследования и доказали: серебро имеет ту же порошкообразную структуру, что и золото монет, а орнамент венца таков, что Фаберже отдыхает.

Оскол самолично взял бывшую владелицу в оборот, возил по ресторанам, обещал подарить тур в Индию, и в результате она указала на человека, подарившего ей бесценную «безделушку», сказав, что это китайский ширпотреб.

Этот человек пел в подземном переходе на Пушкинской...

С девушкой договорились, что она за определенную плату вернет гребень и станет присматривать за певцом. Кроме того, приставили еще нескольких агентов и службу наружного наблюдения, отслеживая каждый шаг гения и этой завербованной девицы.

Когда Алхимик был выявлен, Корсаков взялся за дело сам, для чего по тщательно разработанной легенде заключил официальный брак со спецгентом, сменил номера телефонов и поселился у объекта над головой, в том же доме по улице Заморенова. И перестал существовать для всего остального мира, даже ни разу не позвонил управляющему в Болгарию, чтобы не бередить душу, хотя тот наверняка пытался его достать – заканчивалась доверенность, и подходило время платить налоги на недвижимость, оформлять в инстанциях три квадратных метра земли в аренду, чтоб напрямую можно было ходить к морю.

Для подбора кандидатки на роль своей жены и будущей любовницы гения он провел настоящий кастинг: следовало отыскать такую, которая непременно понравится привередли-

вому певцу из перехода. Вкусы его Марат изучил, когда отрабатывал осчастливленных подаренными гребнями девушек, и вроде бы имел представление, перед чем не устоит и на что соблазнится Алхимик. Но, уподобившись режиссеру, он отсматривал специальных агентесс и не мог выбрать. Все оказывались с каким-нибудь изъяном: то волосы короткие, то взгляд пустой, то манера поведения слишком наигранна, неестественна. Это не считая одного общего недостатка, явно продиктованного современной модной «модельностью», – некой внутренней распушенности и вульгарности. Впрочем, и профессия накладывала свой отпечаток, поскольку агентессам приходилось играть чаще всего дорогих, валютных проституток и сговорчивых секретарш. Сторчак поторапливал, ворчал – дескать, ты что, и в самом деле хочешь жениться, коли так долго ковыряешься? – однако Марат просил подождать, доказывая, что напарница должна сыграть ключевую роль в операции, и ехал на очередное свидание где-нибудь в кафе.

В Юлии он сразу же увидел то, что искал, и даже у самого что-то затлело в душе. Она напоминала чуткую дикую птицу, особенно когда распускала длинные, ниже пояса, пепельные волосы, спадающие на плечи чуть волнистым пенным потоком. Будучи в задумчивости, она куталась в них, словно в плащ, а иногда волосы непонятным образом оживали, превращались в трепетные крылья, и сама Юлия в такие мгновения, казалось, способна взлететь. В Москву она приехала из северного провинциального города, мечтала поступить на актерский во ВГИК, имея амплу романтической героини, но провалилась на экзаменах и пошла учиться на платные подготовительные курсы, где и была завербована спецслужбами. В серьезных операциях участия она еще не принимала, проходила первоначальную подготовку и привлекалась в качестве obsługi на правительственных мероприятиях – меняла стаканы с водой на трибуне, подавала бутылки с напитками в президиум и принимала цветы после вручения. Девочка на побегушках давно уже созрела для более важных ролей, поэтому к предложению Марата отнеслась с восторгом, сама себе придумала имя Роксана и стала учиться на практике искусству нравиться гениям.

А гений поначалу на нее внимания не обращал, видимо соблюдая нравственные принципы соседства, и все старания, намеки агентессы оказывались незамеченными, либо Алхимик научен был тщательно таить свои чувства. И вообще, Корсакову чудилось, что он подкрадывается к жар-птице: одно неосторожное движение – и поминай как звали.

Так оно и случилось...

Марат ничуть не сомневался: операция планировалась верно, не раз прорабатывалась старыми экспертами из службы безопасности, которые зубы съели на подобных играх. Подъезд и прилегающая к дому территория были увешаны камерами слежения, о которых гений не подозревал; одну удалось спустить к нему в квартиру через отверстие в железобетонных перекрытиях; рядом с люстрой на его кухне, в вентиляции, стояли специальные газоанализаторы. Корсаков сам наблюдал за Алхимиком во время его чудотворств, и хоть и смутно – люстра ослепляла видеоглаз, – но видел, куда примерно тот прячет материалы и оборудование, видел, как колдует возле тигельной печи, плавит монеты, варит серебро, отливает гребни, которые потом раздаривает девушкам в подземном переходе. Руководство все настойчивее предлагало проникнуть в квартиру, когда объект поет в переходе, и взять образцы химреагентов, а главное – топлива, однако Корсаков, единственный владевший ситуацией, отговаривал, продолжая досконально отслеживать его технологии. С помощью одной только камеры сделать это было невозможно, а входить в жилище, конечно, опасно: Алхимик вел себя очень осторожно, реагировал на любое изменение обстановки. Его квартирной хозяйке заплатили хорошие деньги, чтобы она, в очередной раз получая квартплату, внесла и поставила на кухонный стол керамическую вазу с вмонтированным управляемым видеоглазом большого разрешения. Объект сразу же ее заметил и, даже не рассматривая, убрал в нижний шкаф с глухими дверцами. В следующий раз камеру вмонтировали в горшок с кактусом в надежде, что он поставит цветок на кухне, – он поставил в гостиной и задернул занавеской.

Каждая счастливица, получившая от гения гребень, также была отслежена, досконально проверена по связям, образу жизни, допрошена с подпиской о неразглашении, и одна из них, поклонница певческого таланта гения, даже завербована в службу наружного наблюдения. Еще десяток агентов водили объект всюду, не выпуская из виду ни на минуту, изучая его пристрастия, увлечения и знакомства. Было ощущение, будто Алхимик, как оставшийся без связи разведчик, усиленно ищет выхода на контакт, о чем Корсаков тоже писал в отчетах и предлагал проработать вопросы – кто он такой? Откуда появился? Где и у кого учился? То есть установить прошлое объекта, чтобы разобраться в настоящем и определить его потенциал. Но руководство по-прежнему требовало наблюдать за технологическими тонкостями и не отвлекаться на побочные направления. Мало того, Смотрящий все настойчивее понуждал выбрать подходящий момент и негласно проникнуть в квартиру гения, чтобы взять образцы топлива, сваренных гением драгметаллов и наконец-то установить камеру в таком месте, откуда можно наблюдать за всеми его манипуляциями. Корсаков чувствовал опасность такой затеи, оттягивал сроки насколько мог, пока не получил приказ в течение двух дней представить образцы ученым. Иначе, мол, этим займутся люди Филина, старики из зоны Д, а тебе придется вернуться в личную охрану.

Эту операцию готовили наскоро, опосредованно, через агентуру. Спровоцировали задержание Алхимика милицией метро, чтобы получить дополнительное время, заранее взяли ключи у квартирной хозяйки и сделали копии. Войти оказалось не проблемой, частицы серебра и золота выскребли из керамических литейных сосудов, стоящих в шкафу, а на поиски топлива ушло три с половиной часа! Искали тайники в мебели, стенах и полу, причем соблюдая осторожность: прежде чем взять в руки любую вещь, надо было запомнить ее местоположение, нельзя было трогать паркет, обои, вынимать подоконники, переставлять и двигать шкафы, путать книги на полках.

Нашли совершенно случайно, там, куда не раз заглядывали, – в шкафчике в прихожей, почти у двери! Но все равно до конца не были уверены, оно это или нет: никто вещества такого не видел, в руках не держал и толком не знал, как следует с ним обращаться. На кадрах, снятых камерой из кухонной люстры, было видно, что сам Алхимик работает в перчатках, все химикаты берет стеклянной ложечкой или лопаточкой, коих под руками у проводивших обыск не было, и затем отвешивает на аптекарских весах. Поэтому, раскрыв капсулу, Корсаков вытряс в пластиковый пакетик всего шесть гранул: не исключено, что гений вел строгий, поштучный учет, потому как всего-то зерен было около сотни. Времени, чтобы вмонтировать видеокамеры в мебель или стены уже не оставалось, квартиру и так покидали спешно, допустив обидную оплошность, о которой Корсаков вспомнил позже, – забыли закрыть дверь на кухню.

Впоследствии, когда отсматривали видеоматериалы, стало ясно: Алхимик это заметил, после чего тщательно обследовал свою лабораторию, но вроде бы больше его ничто не беспокоило.

О промахе стало известно позже, а тогда, заполучив образец топлива, Корсаков тотчас же поехал в Осколково. По дороге он дважды извлекал пакетик с зернами и пытался их рассмотреть – ничего особенного, похожи на красноватую гранитную крошку, которой стали посыпать обледенелые тротуары зимой, чтобы не скользили прохожие. И опять возникало сомнение – то ли взяли?

Когда он во второй раз прятал пакетик во внутренний карман пиджака, ощутил, что тот вроде бы стал теплым, однако особого внимания не обратил.

Аналитическая группа Церковера уже ждала топливо, поэтому на крыльце встречал сам начальник разведслужбы Филин, пожалуй, впервые заметивший Корсакова – за руку поздоровался. После чего забрал пакетики с образцами и исчез в недрах лабораторного корпуса, где помещались ученые и молодые гении-фабриканты. Оскол все еще интриговал и держал своих людей особняком; впрочем, Марат как исполнитель не хотел вникать в алхимические тонкости – ему было достаточно оперативной работы, которую он, по сути, осваивал заново.

Об успехе немедленно было доложено Сторчаку, который приехал в Осколково, чтобы лично поздравить своего бывшего начальника охраны. Супервизор был главным куратором технопарка, осуществлял стратегическое руководство, влезал во все оперативные дела Корсакова и добывал деньги для развития, контактируя с Братьями Холиками. Оскол официально был провозглашен президентом, однако занимался строительством и одновременно исполнял обязанности научного руководителя, хотя к науке никакого отношения не имел. Это не мешало ему управлять своей аналитической группой и развивать фабрику гениев, пока что создавая полуфабрикат из двух десятков молодых людей, собранных по университетам. Вчерашние студенты-вундеркинды запахивали старую и сеяли новую кукурузу, кто умел управлять сельхоз-техникой, и больше орудовали лопатами вместе с гастарбайтерами, нежели занимались наукой, что относилось к издержкам становления.

Главный офис был уже готов, поэтому поздравление состоялось в кабинете Смотрящего, и пока Марат докладывал подробности проведенной операции, на территории технопарка завывали сирены пожарных машин. Дабы не портить торжественного момента, Корсаков между делом стал закрывать окно и тут заметил, что из соседнего корпуса, где помещалась лаборатория, курится не дым, а что-то похожее на марево, изламывающее пространство, – перегретый и на вид не опасный воздух. А вокруг суетится охрана, иностранные рабочие попеременно с юными гениями-аналитиками и пожарные уже раскатывают рукава.

Оказывается, ученые начали исследование внешних параметров топлива, разделив его по зернышку и растащив по кабинетам. И почти одновременно у всех стали плавиться лабораторные фаянсовые чашки, куда поместили эти крупички, и уже от них загорелись столы. Желая спасти образцы, аналитики пытались затушить огонь, однако пламя – если так можно было назвать совсем не жаркое и непривычное свечение, от воды лишь разгоралось, словно в кузнечных горнах с дутьем, и уже было не найти, не выцарапать из огня мелкие крошки. А они, видимо, оказались на полу, ибо вдруг загорелся старый институтский линолеум и только потом начали трещать и лопаться железобетонные перекрытия. Повинуясь инстинкту, ученые все еще лили воду из кранов, тем самым возбуждая огонь, и только когда от едкого дыма тлеющего линолеума стало нечем дышать, выбежали наружу.

С улицы хорошо было видно, как пожар почти одновременно переместился этажом ниже, охватывая все большую площадь. Охрана начала эвакуацию людей, а прочее население технопарка сбегало к горящему корпусу и с пытливым, затаенным интересом наблюдало, что будет, снимая на мобильники. Своей противопожарной службы в Осколкове еще не было, поэтому вызвали городскую. И пока она разворачивала рукава и ковырялась с гидрантами, которые не открывались много лет, горели уже три верхних этажа. Пожарные в здание не входили, поскольку начали рушиться перекрытия верхних этажей; они выдвинули лестницы и теперь лили воду в окна, хотя пламени как такового не было и лишь кое-где сверкали голубоватые сполохи, как от электросварки. Огнем горело только то, что могло гореть – деревянная отделка, резина, мебель и полы, но и то как-то необычно, словно бездымный порошок, быстро и ярко. Столб раскаленного воздуха поднимался вертикально вверх, и по нему, как по трубе, уносились в небо облака густой белой пыли, а вокруг возник странный ветер, кольцом охвативший пожарище. Все это напоминало вдруг проснувшийся вулкан, притягивало взгляд и зачаровывало даже видавших виды пожарных.

Первым спохватился Смотрящий и приказал выключить брандспойты: вода еще пуще раздувала огонь, словно туда плескали бензин. Того же потребовали пришедшие в себя и впечатленные зрелищем аналитики, будто бы узревшие мгновенное расщепление воды на химические составляющие, то есть на кислород и водород. Пожалуй, только они да начальник разведслужбы, не расстающийся со своим портфелем, не суетились, не паниковали, а ученые старики уже пытались изучать процесс горения: брали пробы воздуха, выделяемого газа и, рискуя жизнью, лезли чуть ли не в огонь, чтоб выхватить лепешки и комья остывающего бетона.

Пятиэтажный панельный корпус через полчаса уже был весь объят невидимым пламенем и начал осыпаться с грохотом и треском. Столб пыли поднялся метров на двести, и она не осыпалась, как это бывает обычно, а почему-то таяла в воздухе или вовсе уносилась еще выше, в стратосферу. Излучающего тепла тоже почти не наблюдалось, но внутри пожара температура была такой, что из целых еще бетонных плит стекал или с силой выстреливал жидкий металл – плавилась стальная арматура! Институт строили при Хрущеве, в шестидесятых, когда цемент на домостроительных комбинатах еще не воровали, крепчайшие, хорошо пропаренные плиты на глазах превращались в песок и пыль.

Оскол все еще пытался что-то спасти, но его удерживал Смотрящий, стоически наблюдавший за пожаром. Когда рассыпался третий этаж, он спохватился и куда-то позвонил. Через четверть часа на территории технопарка приземлился Ми-8, и спецназ в черном вывел с территории всех гастарбайтеров и оттеснил недорожденных гениев в перезревшую, прошлогоднюю кукурузу. Скоро в небе появился еще один вертолет и, сделав круг, сел возле нового офиса, к которому убежал Сторчак. Он и привел к горящему зданию Братьев Холиков. Из-за реактивного гула невидимого пламени не было слышно, о чем они переговариваются, но они смотрели и что-то живо, даже радостно обсуждали.

А уже догорал и обращался в песок первый этаж, испуская искристые брызги расплавленной стали. Потом неведомый адский огонь провалился в подвал, где было много техники, оборудования, коммуникаций и прочего металлолома, накопившегося за долгие годы, и куча песка теперь напоминала действующий вулкан, только вместо магмы из недр извергалась жидкая кипящая сталь, медленно остывая в лужах и ручейках. Напоследок из жерла высунулся и стал расти ярко-красный железный столп – огонь терял силу. Возвысившись метров на девять, эта стела обросла причудливыми натеками, затем побурела, почернела, взявшись окалиной, и в профиль стала похожа на полураскрытую пятипалую руку, устремленную в небо. Кто-то сразу заметил, что, если вложить в нее факел, она будет похожа на памятник, вечный огонь на могиле, и это всем показалось очень символичным – растолковывали как знак освобождения экономики от нефтегазовой зависимости.

Ведомые Смотрящим, Братья Холики с нескрываемым восторгом обошли вокруг пожара, после чего сели в вертолет и улетели. Оскол теперь сам искрился и зачем-то всем пожимал руки, словно поздравляя с победой, – полуфабрикату, иностранным рабочим, аналитикам, горячо обсуждавшим между собой только что увиденное: «И всего шесть гранул! Девять граммов общего веса! А каков объем выделенной тепловой энергии!»

Охранники же в черной униформе еще оставались на территории, чего-то ждали, и когда приехал грузовик с ОМОНОм, стали отнимать сотовые телефоны у всех подряд, без разбора, а гастарбайтеров и вовсе раздевали, обыскивали и голых укладывали на землю, лицом вниз. Потом подогнали два зарешеченных автобуса, набили их таджиками, узбеками, киргизами и куда-то увезли, а у всех остальных, в том числе у пожарных, взяли подписку о неразглашении и зачем-то выставили свой караул.

Пока горел лабораторный корпус, Корсаков стоял на одном месте и зачарованно взирал на странный огонь. Как только он вспоминал, что еще каких-то три часа назад держал во внутреннем кармане пиджака пакетик с топливом, так сразу начинал испытывать те же самые чувства, что были, когда он вез снаряженный фугас. И даже точно такая же сладострастная боль охватила позвоночник, едва из серого песка и пепла высунулась и окаменела черная стальная рука.

– Надо брать Алхимика, – заявил Сторчак на совещании, состоявшемся тут же, возле пожарища. – Вместе с его кустарной лабораторией.

Церковер живо поддерживал его, сам был готов бежать на задержание, никаких возражений Марата они не принимали и опять угрожали послать Филина. Кое-как удалось уговорить руководство на отсрочку в три дня, дабы не спугнуть Алхимика неосторожными действиями.

То ли так было потрясено воображение Смотрящего, то ли по иной, скрытой причине, но он в течение этих трех суток почти не отходил от остывающего вулкана. Сторчак вообще заметно изменился после покушения: сделался самоуглубленным, задумчивым, разве что иногда по лицу его скользила знакомая высокомерная улыбка – как будто спорил со своим соперником, а лицо все равно оставалось непроницаемым.

Чумазые, пыльные аналитики, как погорельцы, нанесли пробирок, приборов и теперь ковырялись в горячем песке, собирали горошины застывшего металла, пепел, оплавленные камешки – брали пробы на анализ, снимали счетчиками Гейгера уровень радиационного фона и измеряли температуру. Любой результат для них был научным объектом, подлежащим изучению, тем паче такой необычный пожар. Стальная черная рука остывала медленно, и когда совсем остыла, от нее отпилили малую частицу и подвергли экспресс-исследованию.

И тут произошло открытие, потрясшее воображение бывалых ученых-аналитиков: обыкновенная сталь самых расхожих марок переварилась в вулкане и обрела главное новое свойство – превратилась в чистое железо, не подверженное окислению, и по своей структуре стала напоминать одно из чудес света, железные столбы Индии. Вновь обретенные качества тотчас отнесли к необычному воздействию топлива и чуть не закричали «Эврика!», поскольку разгадка, как Алхимик варит драгметаллы, казалась совсем близка.

На четвертый день Сторчак вновь устроил совещание возле пожарища и спросил аналитиков, отчего загорелись образцы похищенного топлива, словно только этот вопрос его и мучил, притягивая воображение, – про чистое железо он даже не вспомнил. Те лишь пожимали плечами, косились на Церковера и сдержанно отвечали, мол, случившееся предстоит еще проанализировать в спокойной обстановке.

– Надо отложить задержание Алхимика, – вновь напомнил о себе Корсаков. – И еще понаблюдать. Узнать хотя бы, как он топливо разжигает и как тушит.

Черную руку, торчащую из песчаного конуса, хорошо было видно с Московской кольцевой дороги, и многие водители останавливались посмотреть, что за монумент возник на пустынной территории бывшего НИИ зернобобовых. Сторчак это заметил и велел немедленно чем-нибудь закрыть памятник от посторонних глаз. А поскольку гастарбайтеров не стало, исполнять приказ бросились начинающие гении. В один день они сварили из профиля четырехугольный конусный каркас и натянули на него плотную зеленую строительную сетку, отчего получилась пирамида.

– Подумайте, он хранит топливо в обыкновенной московской квартире! – возразил Корсакову Церковер. – Почти в пределах Садового кольца! А если у него полыхнет? Надо брать Алхимика!

– У него не полыхнет, – уверенно заявил Марат. – А потом, он не реагирует на Роксану как на женщину.

– Внешне не реагирует, – ухмыльнулся Сторчак. – Потому что она – формально твоя жена. Стесняется – скромный, воспитанный... Прикажи ей соблазнить! Устрой скандал, развод, наконец, сделай ее свободной и увидишь реакцию... Быть такого не может, чтобы молодой самец не запал на такую самку! Или ты выбрал неподходящий вариант.

– Надо подождать. Когда у них завяжутся отношения...

– Ждать некогда! – перебил Супервизор. – Ключи от его квартиры у вас есть, пошли Роксану ночью. Пусть сама заберется в постель, к сонному. Об этом мечтают все мужчины – проснуться, а рядом прекрасная незнакомка.

– Это невозможно...

– Если невозможно, прикинься бабой и сам соблазняй! – рявкнул Сторчак. – Но гений должен быть здесь в самый кратчайший срок. И с тяжелой уголовной статьей!

– Изнасилования не будет в любом случае, – отрезал Корсаков. – Я этого не допущу.

– То есть как не будет? Что за разговоры?!

- Имитируем попытку...
- Хватит имитаций! – Сторчак наливался гневом. – Все должно быть натурально и доказательно. Для суда присяжных! Для Страсбургского суда!

5

Серебряный венец в ее волосах, заколотый по-старушечьи, на затылке, стоял в глазах неподвижно – так непоколебимо ровно она несла свою увенчанную головку, возможно из-за семенящего шага. Никем не замеченные, они вышли со двора на улицу и скоро повернули в Трехгорный переулок.

– У меня там гитара осталась, – вспомнил Сколот. – Я вернусь...

– Обойдешься, – прошелестел ее голос.

– Тебя Стратиг прислал?

– Молчи.

– Наконец-то вспомнил меня вершитель судеб. Активизатор топлива не действует? Верно?

– Какого топлива?

– Солариса...

– Ничего не знаю... Рот закрой.

В переулке, по-прежнему не оборачиваясь, она распахнула заднюю дверцу машины. И только сейчас Сколот заметил несоответствие: ноги у женщины были длинными и стройными, а ступни – маленькими, детскими и обуты, несмотря на теплую погоду, в ботинки на плоской подошве.

Он сел и получил приказ:

– В затылок смотри! И ни о чем не думай.

– Как тебя зовут? – не унимался Сколот. – Пора бы познакомиться.

Спасительница была старше, может, года на два, однако взирала на него с неким возрастным превосходством.

– Зазноба, – бросила она. – Нравится?

– Звучит как прозвище.

– Это теперь имя мое. Ну всё, лишенец! Замри.

Сколот замолчал, уставившись в увенчанный затылок, но остановить мысли не смог: в ушах завис крик Роксаны, перед глазами, на фоне серебряного гребня, парил ее полубезумный образ.

И такой она походила на Белую Ящерицу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.